УЗБЕКСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Профессор Е. Д. ПОЛИВАНОВ

Некоторые фонетические особенности кара-калпакского языка

ТРУДЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ГИЗ УзССР 1933 ТАШКЕНТ

Политический редактор Улуг Турсун

Печатать разрешается: директор УзНИИКС'а Султанов

Ученый Секретарь Хусан Ходжаев

Сдано в производство 8/IV-33

Разрешено к печати 19/VI-33

Узлит № 421/л Госиздат УзССР № 1174/672.33 1 3/4 п. л. Тираж 3.000

Ташкент, типо-лит. № 1 Узнаркомлегпрома—33—762

НЕКОТОРЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА

I

Во время Хорезмской экспедиции УзГНИИ летом 1930 года, главной задачей которой, по лингвистической линии, было обследование узбекских говоров Хорезма, мне удалось также выполнить, в известной мере, и второстепенное задание—сделать наблюдения над каракалпакским языком, хотя бы и в пределах одного только районного говора, именно Конгратского района; наблюдения же над языком представителей Чимбайского района, с которыми я встретился в гор. Турткуле, были крайне непродолжительны и недостаточны для характеристики этого говора.[1]

Одновременно со мной над исследованием каракалпакского языка, доныне, как известно, еще нигде научно не описанного, работал и профессор С. Е. Малов, командированный Казакистанским Акцентром со специальной целью лингвистического изучения каракалпаков. Так как профессор Малов собрал гораздо более значительный материал, чем я в течения моих кратковременных занятий с каракалпаками, и так как профессор Малов, без сомнения, опубликует свою характеристику каракалпакского языка, я считаю нужным воздержаться от попытки дать более или менее систематическое, всестороннее изложение данной языковой системы. Я считаю для себя позволительным отметить, в настоящем кратком сообщении, лишь некоторые наиболее существенные фонетические особенности каракалпакской речи, имея при этом следующие два мотива для опубликования этой моей заметки:

1. Несмотря на то, что проф. Малов, в свою очередь, также обратил, без сомнения, внимание на указываемые мною фонетические явления, именно в наблюдениях фонетического характера и оказывается, обычно, желательным сопоставление двух линий, т. е. выводов двух наблюдателей одного и того же явления: этим дается возможность элиминировать случайный субъективный элемент наблюдений, а значит и известная гарантия объективной значимости того, что окажется общим в высказываниях обоих исследователей.

2. Главная часть наблюдений профессора Малова относится, насколько мне известно, к говору Чимбайского района; таким образом из моей настоящей заметки и из материалов проф. Малова возможно будет уже сделать вывод относительно данных фонетических явлений в двух районах каракалпакского языка (тем более, что говор чимбайцев мне тоже, хотя и весьма поверхностно, удалось наблюдать, и следовательно при

[1] Хотя, без сомнения, каракалпакский язык в целом является в значительной мере монолитным, т. е обладает — на подобие казакского языка и в полную противоположность узбекскому языку — весьма незначительными, в общем, диалектическими различиями отдельных территориальных районов

синтезе данных обоих исследований возможно будет избежать смешения между действительно-существующими фонетическими различиями обоих говоров и субъективными различиями в оценках обоих наблюдателей).

От многих местных жителей Хорезма и Каракалпакии (как от узбеков, так и казаков и каракалпаков) мне приходилось слышать следующую, повидимому, общепринятую характеристику каракалпакского языка: „Это—язык средний, промежуточный между казакским и узбекским.“ И хотя это лаконическое определение, поскольку оно не снабжается пояснениями—(пояснениями того, в чем состоят и откуда идут сходства с казакским и, наоборот, сходства с узбекским и, наконец, к какому же из двух языков каракалпакский оказывается более близким, чем к другому?), ни в коей мере не может считаться научным определением, ему нельзя, все-таки, отказать в известной мере фактической истинности: из сопоставления общей совокупности характерных признаков (фонетических, морфологических, словарных) каракалпакского языка с соответствующими им казакскими и узбекскими[1] мы действительно легко можем убедиться, что каракалпакский, на ряду с массой общих или сходных с казакским языком черт, совмещает и известное число признаков, уклоняющихся в сторону узбекского языка. К этому выводу иногда можно бывает притти и на основании сличения одной какой нибудь черты в данных трех языках: например, суффикса Творительного Соединительного [Instrumentalis Sociativus] падежа: казакск. -men (с обычными чередованиями начального -m) || каракалпакск. -menen || узбекск. -minən (форма подавляющего большинства узбекских говоров, в том числе и хорезмских; в ташкентском -minəm; в литерат. узб языке *bilən из* بيلن, являющееся, разумеется, прототипом, или историческим источником всех вышеприведенных форм).

Но, несмотря на это наличие уклоняющихся в сторону узбекского языка черт, говорить просто о промежуточности каракалпакского языка между казакским и узбекским, умалчивая о преимущественной близости к казакскому языку, было бы прямо ошибочно, т. к. это давало бы повод к совершенно превратным представлениям о генетическом и статическом характере каракалпакской речи. И по сравнению с подобным куцым (умалчивающим о главном) определением гораздо более близким к истинному положению вещей оказывается В. В. Радлов, который, хотя и не упоминает об уклоняющихся в сторону узбекского языка особенностях, просто помещает каракалпакский („der karakalpakische Dialect“) в числе „kirgisische Dialecte“—см. W. Radloff, Phonetik der nordlichen Türksprachen, Cap. XVIII: Classification der Türk-Dialecte nach den phonetischen Erscheinungen, стр. 286.[2]

Итак, я позволяю себе смотреть на каракалпакский язык как на языковую систему, стоящую в наиболее близкой и весьма тесной генетиче-

[1] При чем в данном случае позволительно и естественно будет привлекать к сравнению с каракалпакским не узбекский литературный язык или, например, „Ташкентско-Бухарские“ говоры, а именно „Хорезмские собственно-узбекские“ говоры узбекского языка. Общий вывод—о промежуточности каракалпакского между казакским и узбекским языками и его преимущественной близости к казакскому, а не узбекскому—остался бы, впрочем, тот же, какой бы из узбекских говоров мы ни привлекали к данному сравнению.

[2] Замечу, впрочем, что данная локализация каракалпакского у Радлова вряд ли была высказана им в результате более или менее подробного анализа фактов· Радлов сам говорит (на той же странице) что „der karakalpakische Dialect bedarf noch einer genaueren Untersuchung“. Таким образом мы имеем здесь скорее прогноз, чем плотно мотивированный вывод из конкретного материала. С другой стороны, во избежание недоразумений, надо упомянуть и о том, что, в другой главе той же самой книги, в главе „Ethnographische Uebersicht der nördlichen Türkstämme“ Радлов отмечает каракалпаков как самостоятельную этническую единицу: o. c., стр. XXXVIII. Но это и вполне понятно. в этнологическом обзоре оно так и должно было быть, я же имел полные основания обратиться в данном случае к главе, где автор классифицирует уже не народности (как этнические единицы), а языки тур. народностей, т. е. к вышеупомянутой XVIII главе.

ской связи с казакским языком [1], и лишь в некоторых отдельных—фонетических и морфологических гл. образом—явлениях уклоняющуюся (от явлений казакского языка) в сторону узбекского языка. Таким образом, несмотря на общее происхождение трех видов языковых систем: 1) казакского языка, 2) каракалпакского языка, 3) „собственно-узбекских", или „кыпчакских", говоров узбекского языка, т. е. несмотря на то, что эти три языка (казакский, каракалпакский и „собственно узбекские" говоры) принадлежат к северо-западной группе тур. языков и даже внутри этой северо-западной группы долгое время составляли некое единство, лишь сравнительно поздно распавшееся, т. е. некую особую подгруппу турецких языков, несмотря на это,—каракалпакский язык, внутри данной (состоящей из трех единиц) [2] подгруппы тур. языков, отходит в сторону казакского, а не собственно узбекского. Если же мы при сравнении с каракалпакским будем иметь ввиду не „собственно узбекские" говоры, но литературный узбекский язык или какую-либо иную (не „собственно узбекскую") группу узб. говоров, то тогда расстояние между каракалпакским и узбекским окажется еще во много раз большим, чем расстояние между каракалпакским и казакским.

Исходя из всего вышесказанного, было бы естественно проклассифицировать фонетические и морфологические признаки каракалпакского языка по трем категориям: 1) признаки, т. е. конкретные языковые факты, общие всем трем членам данной подгруппы турецких языков: и каракалпакскому, и казакскому, и собственно-узбекским говорам—хотя бы лишь в пределах некоторой части „собственно-узбекских" говоров (представителями которой могут служить узбекские говоры „северно-хорезмской, или казакизованной", или „taw — ber — kel — çol — сьqыг" — подгруппы „Хорезмской собственно-узбекской" группы); 2) признаки, общие каракалпакскому и казакскому, но отсутствующие в собственно узбекских (в том числе и в „северно хорезмских") говорах и вообще в узбекском языке; 3) признаки, отсутствующие в казакском языке, но зато сближающие каракалпакский с „собственно узбекским" говорами, и вообще с узбекским языком.

В качестве примера признаков первой категории можно назвать:

1) признак „джоканья—respective жоканья", т. е. явление перехода начального *j* в звук *ç* (ج) [из чего далее возможно *ç→ž* (*ж*), как в большинстве казакских говоров].

Равным образом сюда могли бы быть отнесены и следующие признаки:

2) дифтонгизация начальных полу-узких гласных— *е *ө *о→ ʲе ᵘө ʷо или ⁱе ʸө ᵘо;

[1] Это вовсе не означает, однако, что я признаю каракалпакский диалектом казакского языка,—об этом не может быть речи ни с какой точки зрения: ни с точки зрения исторического генезиса данных языковых систем, ни с точки зрения современной их социально-экономической характеристики; а следовательно, в отношении казакского языка я должен признать, что этот язык не имеет диалектов по кр мере в том смысле, в каком слово „диалект" прилагается к диалектологическим группам других тур. языков, а имеет лишь говорные и подговорные различия. И если у Радлова (о. с. стр. 286) употребляется слово „диалект" („der karakalpakische Dialect"), то это уже совсем иной масштаб словоупотребления: ведь здесь Радлов говорит не о диалекте внутри казакского языка, а о нескольких „kirgisische Dialecte"; в числе которых на равных правах называются и „der kasak-kirgisische Dialect" [казакский язык] и „der karakalpakische Dialect" [каракалпакский язык], а на ряду с ними и „der kara-kirgisische Dialect" [—киргизский язык; не надо, разумеется, забывать про обычную путаницу. кара-киргизский вместо киргизский, казак-киргизский вместо казакский]

[2] Чтобы не усложнять мое изложение —за пределы того, что непосредственно относится к характеристике каракалпакского языка,—я обхожу здесь молчанием вопрос о соотношениях между данной подгруппой тур языков и ногайским языком, а также и вопрос о соотношении между данной подгруппой тур. языков и киргизским (хотя этот последний вопрос, в сущности, уже получил разрешение, т. е. «перестал быть вопросом» в настоящее время).

3) наличие *ij* в словах *ijt* „собака“, *ɵijt* „вошь“ (но не простого *i*, как например, в узб. самаркандских *it ɵit* и, с другой стороны хивинских *ıt ɵıt*); [1]

4) максимальная „твердость“ согласных *k g* (*ꞩ ꞩ*), воспринимаемых поэтому русским слухом как *к г*, но не как *кь, гь* (черта эта свойственна узбекским — „северно хорезмским“, но в „южно хорезмской огузской“ группе, например в хивинском, наоборот, звуки k g — максимально „мягкие“, почти среднеязычные);

5) чередования p | в- (и w), k | g-, q | ɋ- на конце глагольных и именных основ,[2] это тот признак, который я в моей классификационной схеме узб. говоров условно называю признаком „*cьɋьr*“ („чигирь“) — в отличие от „*cьqьr*“ в хивинском и т. п. (ср. глагольные формы того же корня: cьɋadь | cьqadь и т. д.); другие примеры: узб. сев.-хорезмск. и вообще „собственно-узбекск.“ *çiвim* || хив. *jipım* „мой шнур“; узб. сев.-хорезмск. и казакск. tawar „найдет“ || хив. tapar;

6) формация Progressiv'a, т. е. „Длительного Настоящего“ на *-jatьr-* (|| казакск. -zatьr = *çatьr*);

и ряд других, как фонетических, так и морфологических признаков.[3]

Примерами признаков второй категории могут служить:

1) переход *Ş → S* напр., каракалпакск. и казакск. *ɵas* || узб. *ɵaş* [ташк.-бух. и ферганск. *ɵɔş*] „голова“, и пр.;

2) отсутствие различения *C* и *Ş*, *Ç* и *Z*;

3) наличие *e* [не *ə*] в не-первых слогах, и следовательно чередование *a* | *e* (не *a* | *ə* как в узб. языке) в суффиксах;

и тому подобные важнейшие из черт, которые считались отличающими казакский язык от узбекского (в частности от „собственно-узбекского“); повторение тех же черт и в каракалпакском является базой для моего утверждения о преимущественной близости каракалпакского к казакскому.

В качестве примеров для третьей категории признаков упомяну:

1) наличие фонемы *h*; напр. в каракалпакском *hajal* „жена“, *həpţe* „неделя“ и т. д;

2) сохранение суффиксального *-l* после согласных: например, в суффиксе множественного числа *-lar* | *ler* (в узбекском *-lər*); в казакском же суффиксальное **l* подверглось, как известно, ассимиляционному влиянию предыдущего согласного: ср. каракалп. *atlar* [в узбекском тоже *atlar* или ɔtlər] || казакск. *attar* и т. п.

Можно было бы изложить дифференциальную характеристику каракалпакского языка именно ввиде классификации всех важнейших признаков этого языка по данным трем категориям Но я нахожу, что такое изложение было бы ни экономным, ни удобным, ни легко понятным для читателя. А кроме того, если эта схема и была бы логически-выдержанным построением, то диалектический принцип „всё течет“, обнаруживаемый, разумеется, и на данном диалектологическом материале, поставил бы нас в необходимость насильно, с натяжкой втаскивать известные фонетические признаки в одну-определенную категорию данной схемы: напр. при-

---

[1] И не ı: долгое, как в узб. шораханском (ı·t, ɵı.t).

[2] Сравн. W Radloff, Phon. der nordl. Turksprachen, § 334, стр. 210. Следует отметить, что Радлов насчитывает в отношении данной черты (в частности в отношении чередования p | в) четыре категории тур. языков (из которых казакский, кара-калпакский и собственно-узбекский войдут во вторую категорию), но не упоминает о наличии пятой категории (где всегда p | p-), куда войдут „южно-хорезмские огузские“ узб. говоры: например, хив. *jıpim* [как и ja:pьm 'мой арык'], *tapar*, а равным образом *cьqadь, cьqьr* „чигирь“, qula:qьm 'мои уши' и т д. и т. д.

[3] Тут, конечно найдут себе место и все общие для северо-западной группы тур языков признаки, например: признак *taw* („гора“: в казакском, и в каракалпакском и в собственно-узбекском—*taw* || в узб-чагатайском наречии *taɋ* (в не синг-их tɔɋ) || в хивинском и вообще в южно-хорезмском *daɋ*; 2) признак *sarь* („желтый“: в казакск, каракалпакск., собств.-узб. *sarь* || в узб. „чагатайском“ *sarьq*, или sərıq || хив. и т. п. sa:rь) и т. п.

знак „относительной раскрытости этимологических узких гласных", о котором речь будет ниже, мог бы, кажется, рассматриваться и в числе признаков первой и в числе признаков второй категории (из числа вышеназванных трех категорий признаков каракалпакского языка).

Приступлю поэтому к простому изложению специфических черт к.-к-ого языка в порядке краткого статического описания.

II

Каракалпакская фонетическая система содержит на одну единицу большее число фонем, чем фон. система казакского языка: именно в каракалпакском языке имеется согласная фонема h (отсутствующая в казакском, но зато имеющаяся во всех наречиях узбекского языка): например hajal „жена, женщина", k(i)sı haqъnda „о человеке" (haq-ъnda послелог, соответствующий по значению узбекскому toqrъsъda; иногда и в каракалпаксккм вместо haqъnda употребляется tuwrъsъnda, но эту форму можно рассматривать уже не как чисто каракалпакскую, а как казакизм), həpte „неделя", həzir bol- „явиться". Однако в слове „бык" каракалпакский не имеет начального h (как в „чагатайском" наречии узб. языка: сравн. туркестанск. и чимкентск. høkyz, самарк. hokuz, ташк. hokız), и в этом отношении, следовательно, каракалпакский стоит на стороне казакского и всех хорезмских узбекских говоров: каракалп. ᵘøγiz || казакск. ᵘøgiz || узб. северно-хорезмск. ᵘøgiz, ᵘøγiz, ᵘøgyz, ᵘøγyz || узб. хив. økyz. Равным образом отсутствует начальное h и в глаголе ajda „гнать" (сравн. формы с h в „чагатайском" наречии узб. языка: ташк. həjdə и т. п.). Таким образом, добавляя фонему h к казакскому перечню фонем, мы получаем следующий перечень фонем каракалпакского языка:

Согласные: p в w [губно-губное[1]] m t d s z ş ƶ [или точнее ƶ | ç, смотри ниже примечание по поводу этой фонемы] n r l [точнее $l_1 | l_2$, смотри ниже оговорку об условности нашей транскрипции, не отмечающей сингармонистических вариантов l] j k g [точнее g | γ, смотри ниже] q q ŋ h.

Гласные: i y ъ u [ниже указывается на вполне условное употребление знаков i y ъ u для данных четырех этимологически-узких гласных]
e ø o [см. ниже о дифтонгизации данных трех (полуузких) гласных (e ø o) в начале слов].
ə a

Одной из специфических особенностей консонантизма каракалпакского языка является сравнительно слабая принципиальная значимость различения «смычный (или затворный [2]) ~ проточный согласный». Действительно, такие противоположения звуков, как например p ~ f, в ~ w, c ~ ş, ç ~ ƶ, g ~ γ, q ~ x, которые фигурируют в качестве основных принципиальных различений в массе других языков [3], в каракалпакском или вовсе отсутствуют или же носят по крайней мере частично-необязательный характер.

[1] Поэтому я и употребляю в моей условной транскрипции знак w. В каракалпакском письме, конечно, пишется простой буквой v.

[2] Под этим термином („затворные согласные") я понимаю и смычные, и аффрикаты.

[3] К числу которых относится, конечно, и русский: сравн. строгость таких русских фоноразличений, как «губно-зубное v ~ в», «Ш ~ Ч (ş ~ c)», «k ~ x» и т. д. (в русском не мыслимо, например, сказать „трува" вместо труба, т.-е. произнести здесь в на правах факультативного дублета фонемы б; немыслимо сказать квост вместо хвост, не мыслимо сказать шас вместо час и т д. Правда в некоторых других языковых семействах, т.-е за пределами тур. языков (и в частности данной их подгруппы: казакский, каракалпакский, собственно-узбекский) мы иногда тоже встречаемся с фактом пренебрежения различием «затворный ~ проточный согласный»: например, отдельные факты этого усматриваются в японской, северно-китайской, чеченской, вотской фонетических системах. Но в этих случаях—по крайней мере в только-что названных, в качестве примеров, языках: японском, китайском,

Различения «c ~ ş», «ç ~ ƶ», «g ~ γ», «q ~ x» вовсе отсутствуют в каракалпакской системе фонеморазличений, хотя оба члена каждой данной пары допустимы бывают, в каракалпакском произношении, на правах факультативных, или комбинаторно факультативных, вариантов одной и той же фонемы.

Особенно ясно это бросается в глаза наблюдателю в отношении фонемы «ç | ƶ» (т. е. «dƶ | ƶ»; в мусульманской графике символом этой фонемы служит ج, в современной каракалпакской латинице—буква ç); для начального положения данной фонемы приходится сделать вывод, что в одном и том же слове и от одного и того же лица можно услышать и ç (т. е. dƶ), и ƶ [как, разумеется, и переходный между данными двумя вариант в виде ^{d}ƶ], и так как комбинаторных [1] условий распределения этих вариантов, для позиции в начале слова, я не нахожу возможности указать, то я должен буду признать это чередование факультативным.[2] Для иллюстрации этого утверждения выписываю слова с начальной фонемой «ç | ƶ» [= ج] из двух отрывков нижеприводимых каракалпакских текстов, так как при записи этих текстов я обращал внимание на качество данного согласного, т. е. на наличие варианта ç или же варианта ƶ, в каждом отдельном случае: çoqeken, ƶoldas, çol çyrédı, ƶol ƶyrédı, çuwup и ƶuwup [записаны обе формы,—çuwup и ƶuwup—очевидно на основании повторений данной фразы], ƶaxsь, çuwuw, çambasьna, ƶambasьna, ƶambasь, ƶuwub и çuwub, çoq₂ba (в сочетании bolqan çoq ba), çaxsь, çuwuwatqanda, çarьlьв, ƶep при первом произнесении фразы и çep при ее повторении, çep-kętédı; ƶoldasьna, çumusьm, çumusьma, çuluw, çurt, çьqьlьj, çuqbastan („не споткнувшись"), çetédi, çurltuц и т. д. Считаю, что данных примеров будет достаточно, выписывать же здесь все слова с начальным «ç | ƶ» (ج) из данных текстов излишне, поскольку читатель может обратиться непосредственно к тексту, просмотрев его passim.

Я обратил внимание именно на начальную позицию «ç | ƶ», так как это типичная, наиболее частая позиция данной фонемы. Что же касается позиции внутри слова, то здесь явно преобладает спирантный вариант, т. е. ƶ (= ж): например, arƶaqьna „на край его", quƶambas собств. имя. Последнее слово много раз встречается в одной из нижеприводимых сказок, и почти всегда именно с проточным согласным—ƶ. Однако, в двух случаях моя запись дает и указание на ç (quçambas). Это значит, что и для инлаутной позиции не исключено появление затворного (аффрикатного) варианта данной фонемы, а следовательно и для этой позиции чередование вариантов ç и ƶ оказывается до известной степени факультативным.

Отсутствует и различение «c ~ ş»[3] [поэтому составители каракалпакской латиницы оказались вполне правыми, когда изгнали из ее алфавита

чеченском, вотском это относится лишь к определенного типа согласному или к двум определенным согласным—в частности к фонемам типа «dz | z» и типа «dƶ | ƶ», но не ко всему (или почти всему) составу консонантизма. Для каракалпакского же, на основании ряда отдельных, относящихся сюда фактов можно сделать именно общий вывод,—что вообще противоположение «затворный ~ проточный» играет небольшую роль в числе каракалпакских средств звуко- и словоразличения, т. е. не имеет особо важной значимости для каракалпакского языкового мышления.

[1] По крайней мере в зависимости от звукового состава самого данного слова (а не от условий Satz-sandhi и т. д.)

[2] Или комбинаторно-факультативным, если иметь в виду частоту появления затворного варианта (dƶ) именно при начальной позиции фонемы «dƶ | ƶ» (ƶ). О терминах „комбинаторно-факультативный вариант" и тому подобных см. в конце I и в начале II тома моего „Введения в языковедение".

[3] И этому утверждению вовсе не препятствует наличие „фонемосочетания" (т. е. комплекса из двух фонем) tş в слове patşa „царь". Не будем забывать, что каракалпак изобразит это слово в своей латинской графике в виде „patca", а не „paca". [Правда для русского слуха это фонемосочетание tş и могло бы показаться сходным с русской аффрикатой „ч", но это уже результат принципиального расхождения в порогах различения между русским и каракалпакским языковыми мышлениями].

букву ş, которая первоначально введена была путем чисто механического копирования узбекской или „унифицированной" лат. азбуки, и ограничились одной лишь буквой с (для фонемы ş)].

Однако в отношении деталей дело обстоит здесь совершенно иначе, чем с фонемой «ç | z». Если для этой последней («ç | z») оба варианта можно считать более или менее равноправными (по крайней мере для позиции в начале слов), то соответствующая глухая фонема (ş) обычно осуществляется лишь в форме спиранта (а не аффрикаты), и ее произношение в форме аффрикаты (c = tş или ᵗş) встречается лишь как редкое исключение.

Подобное же пренебрежение дифференциационным моментом «затворный — проточный» обнаруживается и в обоих рядах заднеязычных—именно в наличии спирантных вариантов у фонемы g (Ƨ) и у фонемы q (Ʒ).

Именно фонема g, в основном своем варианте представляющаяся неглубоко-заднеязычным звонким смычным согласным, внутри слова, а также иногда и в начале слова — в условиях Satz-sandhi (т. е. при непосредственном соседстве с конечным гласным предыдущего слова)—может заменяться, и фактически весьма часто заменяется соответствующим проточным вариантом, т. е. γ (см. запись текстов passim). [1]

С другой стороны и глубокозаднеязычная глухая смычная фонема—q—факультативно может превращаться в соответствующий спирант (который я в моей условной транскрипции обозначаю просто буквой x). Это, повидимому, может иметь место в любой позиции (в том числе и в начале слова), но особенно часто наблюдается внутри слова на конце закрытых слогов (перед согласным следующего слова). Необходимо напомнить, что принципиального звукопредставления, т. е. самостоятельной фонемы x, в каракалпакском не существует, и следовательно данное чередование вариантов фонемы q (в виде q | x) не угрожает опасностью смешения с какой-либо другой, принципиально отличной фонемой. Иначе говоря, эта факультативная спирантизация (q | x) происходит здесь в тех же условиях, как и в казакском и в северно-хорезмской (или „казакизованной") подгруппе „собственно-узбекских" говоров Хорезма (где фонема x тоже отсутствует), —тогда как в средне-хорезмской „не казакизованной" подгруппе (напр. в говоре к-ка Уйгур Газаватского района или в говоре к-ка Кыят-Конграт) подобная аберрация фонемы q (—в виде факультативного чередования ее вариантов: q и x) протекает несмотря на наличие фо-

---

[1] Нужно заметить, что комбинаторно-факультативное чередование g | γ наблюдается в известных размерах и в некоторых не-хорезмских говорах узб языка, но в общем, в значительно меньшем объеме, чем в Хорезме. Что же касается, в частности, южно-хорезмской группы—(хивинского и т. п. говоров), то здесь мы имеем, конечно, соответствующее чередование „мягких", т. е. весьма близких к среднеязычным согласных g' (близкого к среднеязычному) и γ' = j, (близкого к j), причем для появления этого γ' = j, можно указать даже—по крайней мере в хивинском—более или менее точные условия (в которых фигурируют не только чисто-позиционные фонетические моменты, но и относительная частота употребления данной морфемы). Таким образом, узбекские диалекты Хорезма уже приближаются (как и каракалпакский язык) к тому состоянию, которое представлено в туркменском: туркменская фонема ƨ имеет (как и соответствующая ей глубокозаднеязычная фонема ꞔ) два вполне регулярно чередующихся, комбинаторных варианта: 1) смычный g, имеющийся всегда вначале слов, например gөr „смотри", gө:r „могила", gyn „день", gө:k „голубой, синий", gө:wek „пупок" и 2) проточный γ, имеющийся всегда внутри слов—в том числе и внутри Composita, например в gө:weγ-ene „повивальная бабка"—из gө:wek | gө:weγ-„пупок" и ene „мать". Сравни аналогичное чередование двух вариантов ꞔ: 1) вначале слов—смычного глубокозаднеязычного Г (= q, в моей условной транскрипции) и 2) в середине слов—обыкновенного проточного q. Таким образом для туркменских транскрипционных записей, как и для практической туркменской графики, можно было бы, при желании, довольствоваться одним символом (напр. «g») для всех четырех звуков типа Г: 1) g, 2) γ, 3) q (например: в qa:dƨ „гусь") и 4) q, а узнавать, какой именно из этих четырех звуков в данном случае имеет место, можно было бы из позиционных условий: 1) из принадлежности данного слова к „передней" или „задней" сингармонистической категории, 2) из положения данного звука—в начале или не в начале слова.

[2] Что же касается q, то оно чередуется со смычными q, как в узбекском (ср. узб. qaranqъ и т. п.).

немы x,—по следующему принципу: фонема q может осуществляться в виде x, но фонема x не может осуществляться в виде q.

Наконец, спирантизация смычной фонемы наблюдается в каракалпакском и в ряду губных согласных: именно в отношении фонемы *в*, которая, в определенных позициях—именно внутри слова между согласными, а также в начале и на конце слов в условиях Satz-sandhi сплошь и рядом утрачивает смычку, превращаясь таким образом в звук w. Этот переход (или это чередование: в | w) отличается, однако, от ситуации чередования g | γ или чередования q | x, так как здесь кроме фонемы в (способной превращаться в w) существует еще и фонема w (которая не может превращаться в *в*). Благодаря этому, в некоторых случаях—из тех, где мы имеем дело с этимологическим *в* (а не w!) - трудно бывает решить (ввиду преобладающего или даже, м. б., исключительного произношения спиранта—w), имеем ли мы дело уже с законченным переходом в—w или же еще с фонемой *в*, осуществляющейся ввиде своего редуцированного, то есть утрачивающего смычку, варианта w.

Наконец для полноты нужно отметить отсутствие фонемы типа f, то-есть отсутствие различения p f. Но здесь я не наблюдал факультативной спирантизации фонемы p (т. е. чередования вариантов p | f), и следовательно здесь дело обстоит так же, как в казакском, узбекском [1] и в большинстве прочих тур. языков [за исключением некоторых из „сильно-исламизованных" в роде, азербайджанского и т. п.].

Все вышеперечисленные явления, вместе взятые, и делают для нас позволительным вывод, что момент противоположения «затворный - смычный согласный» играет мало существенную роль. Правда, большинство из имеющихся здесь ввиду чередований (напр., q | x, в | w, g | γ) имеет место не только в каракалпакском, но также и в казакском и в „казакизованной" северно-хорезмской подгруппе „собственно-узбекских" говоров. Но все-таки, на основании совокупности представленных каракалпакским языком явлений данного рода, и на основании значительной частоты относящихся сюда примеров, у меня слагается впечатление, что наше обобщение—относительно слабой принципиальной значимости противоположения «затворный - проточный»—является преимущественно характерным именно для каракалпакского—даже по сравнению с казакским и северно-хорезмским узбекским.

Вторая черта в области консонантизма, на которой я имею ввиду остановиться,—это качество звуков *ꞩ* и *ꞩ*, т. е. неглубоких заднеязычных. В каракалпакском эти согласные являются относительно-„твердыми", воспринимаясь русским слухом как *к г (къ гъ)*, но не как *кь*, *гь*. Соответственно этому и комплексы ki gi (а также γi — факультативный вариант для gi) оцениваются русским слухом как *кы*, *гы* (и Ҕы), но не как *ки*, *ги* и т. п.

Можно сказать, что каракалпакский принадлежит к языкам с максимальной „твердостью" k g (ꞩꞩ) — по сравнению с турецкими языками в целом—за исключением, повидимому, лишь якутского, в котором k, насколько я мог заметить, оказывается еще более задним, чем в каракалпакском.[2] Той же степенью „твердости" согласных k g (и γ) обладают и казакский язык [3], и северно-хорезмские собственно-узбекские говоры („джокающие"); это, очевидно, стоит в связи с тем, что представители данных трех языков на территории северного Хорезма поддерживают известные экономические, а следовательно и языковые сношения друг с другом, чем и сохраняются общие им особенности в детальной характеристике отдель

---

[1] По крайней мере в большинстве узбекских говоров.

[2] Эта специфическая „твердость" *k* в якутском может найти себе прямое объяснение в фактах исторической фонетики якутского языка (в известных словах якутское *k* восходит к **q*, т. е. современная якутская фонема *k*, в известной мере, представляет собою результат конвергенции **k* и **q*).

[3] К данному сравнению с каракалпакским и северно-хорезмским узбекским мною, естественно, привлекались казакские говоры на территории северного Хорезма.

ных звуков. При этом надо отметить, что противоположная [в географическом и генетическом отношениях группа узбекских говоров Хорезма—именно южно хорезмская огузская отличается, наоборот, чрезвычайной „мягкостью“ звуков ʃ и ʃ, почти доходящих до качества среднеязычных (т. е. почти до качества азербайджанских—напр. бакинских, ганджинских и т. д. ʃ и ʃ): сравн. например, хивинские k' g' и γ', которые воспринимаются русским слухом как „очень мягкие“ *кь, гь* и *й*[1]. Что же касается „не казакизованной“ („*йокающей*“) подгруппы хорезмских собственно-узбекских говоров, т. е. большинства узб. говоров Хорезма, и в частности—занимающих территорию между северно-хорезмскими и южно-хорезмскими, то здесь наблюдается целая гамма постепенных варьяций от более или менее „мягких“ k' g' = кь гь к максимально „твердым“ k g= къ гъ,—если итти с юга на север. Но все-таки, в общем, и здесь преобладают случаи „твердости“ этих согласных. Что же касается относительной „мягкости“ их в южном районе данной подгруппы (например в багатских говорах), то она естественно объясняется влиянием южно-хорезмской огузской группы, и в частности хивинского, главным образом, говора.

Наконец упомяну еще о качестве фонемы ŋ (имеющей, разумеется, два сингармонистических варианта—как в прочих сингармонистических тур. языках). Каракалпакское ŋ (в обоих своих сингармонистических вариантах) всегда является „чистым ŋ“, т. е. без призвука g (или gk) в своем исходе. Этого мы, конечно, и должны были ожидать, так как „чистое ŋ“ характерно и типично для всех турецких языков (по крайней мере из числа наблюдавшихся мною) за исключением иранизованных говоров узбекского языка, для которых обычно $ŋ^g$ (или даже $ŋ^k$ —$ŋ^{gk}$), находящее себе исчерпывающее объяснение в таджикской подпочве этих говоров.[2]

III

Обращаясь к вокализму, я буду иметь ввиду следующие две черты каракалпакской системы: 1) максимальную степень дифтонгизации начальных полу-узких: начальн. **е *ө о* → ʲe (=je) ᶣө (=ɥө) ʷo (= wo); 2) модификацию этимологических узких гласных—*ı *y *ь *u, сильно уклонившихся в сторону открытости (а также и смещенных, в известной степени, в горизонтальном направлении—в сторону категории mixed). И первое, и второе из этих явлений имеют место также в казакском и в северно-хорезмском собственно-узбекском.

Дифтонгизацию начальных полу-узких в каракалпакском (по крайней мере к Конгратском районе) я называю максимальной потому, что здесь (как и в казакском, а повидимому и в северно-хорезмском узбекском) дифтонг ʲe, восходящий к начальному *е, оказывается равным в физическом отношении не-начальному комплексу je (исконно состоявшему из двух фонем. j + e). Вполне параллельной к этому ʲe ← нач. *е оказывается и степень дифтонгизации, т. е. мощность начальных элементов в рефлексах двух других начальных полу-узких: ɥө ← нач. *ө, wo ← нач. *o.

[1] Вводе Й воспринимается (русским слухом) спирантный дивергент ʃ т.-е. γ' = j; например в g'ɛlγ'ɛn = g'ɛljɛn („пришедший“, экв. узб. литературного kelgən). Русское восприятие естественно смешивает это γ' = j (качественно однородное с j русских олонецких говоров, произведших конвергенцию g' .. j → j) с обычным j и воспринимает таким образом g'ɛlj ɛn как гельен. Интересно, что ту же конвенгенцию (смешение) делает и современное младшее поколение хивинцев (по крайней мере у тех представителей этого поколения, которых я наблюдал, γ' = j уже не отличается от j, т.-е. заменено простым j: вместо g'ɛlj ɛn произносится g'ɛljɛn, и когда я попросил моего объекта—молодого хивинца лет 20-ти от роду—написать, т.-е. транскрибировать данное слово буквами узбекской латиницы, он написал „gəljən“.

[2] В таджикском языке звукопредставление ŋ отсутствует. Поэтому таджикская масса, усваивая узбекскую (турецкую) языковую систему, подставляла вместо ŋ—ŋg (или иногда даже ŋk). Отсюда в дальнейшем—$ŋ^g$ (или $ŋ^g$. | $ŋ^{gk}$).

Для упрощения транскрипции—чтобы избежать в ней знака ‿ под двумя буквами, я обозначаю эти каракалпакские (как и казакские и северно-узбекские) анлаутные дифтонги символами ʲe ʸө ʷo (вместо j͜e ɥ͜ө w͜o).

Наоборот для передачи менее сильной степени данной дифтонгизации, представленной „не казакизованной" средне-хорезмской („йокающей") подгруппой хорезмских собственно-узбекских говоров (и главным образом, наиболее южными говорами этой подгруппы), я пишу ᶦe ʸө ᵘo. Например: каракалпакское, казакское, северно-хорезмское узбекское ʲer „муж" || в средне-хорезмской подгруппе хорезмских собственно-узбекских ᶦer [1]; каракалпакское, казакское, северно-хорезмское узбекское ʸөt || в средне-хорезмской подгруппе ʸөt—1) „пройди мимо, минуй"; 2) „желчь" [2]; каракалпакское, казакское и северно-хорезмское узбекское ʷot || в „не казакизованной" подгруппе ᵘot „огонь". Напомню, впрочем, что, говоря здесь о каракалпакском, я имею ввиду лишь Конгратский район, у представителей Чимбайского района данная дифтонгизация, как мне кажется, выражена несколько слабее.

Причина данного различия в степенях этой дифтонгизации между каракалпакским, казакским, северно-хорезмским узбекским, с одной стороны, и „йокающими" узб. говорами Хорезма—с другой, может быть поставлена в связь с наличием „джоканья" или наоборот „йоканья", иначе говоря с наличием начального ç (resp. ʑ) или наоборот j на месте общетурецкого *j в начале слов: напр., çol или ʑol || jol [или jo:l как в узб. огузском] „путь" и т. п. Так в огузских узбекских говорах (хивинском и т. д.), где начальный *j сохранился, дифтонгизация начального *e грозила—если бы она дошла до максимальной степени—совпадением комплексов нач. *e и нач. *je.

А так как язык, в ходе своей эволюции, относится бережно к своим дифференциационным (словоразличительным) средствам, и **если есть возможность** избежать утраты различения, избегает ее, то и здесь (в хивинском и т. п.) процесс дифтонгизации начального e не был доведен до конца, а наоборот остановился на одном из начальных этапов. Иные условия были в языках (resp. диалектах), где нач. j → ç (или, далее, ç → ʑ). Здесь максимальная степень дифтонгизации начального *e, т. е. осуществление развития «нач. *e → ʲe = j͜e», уже не грозило утратой различения нач. *e и нач. *je: напр. слова *jer „земля" и *er (из о.—тур. *ɛ:r) „муж" отлично продолжают различаться в звуковом отношении, ибо первое слово превратилось уже в çer (resp. в ʑer, как в казакском) к тому моменту, когда второе превратилось в ʲer (= j͜er). Поэтому процесс «нач. *ʲe → e» в дан-

---

[1] Дифтонгизованные формы ʲer, ᶦer непосредственно восходят, конечно, к форме er; но эта последняя является уже видоизменением (благодаря конвергенции обще-турецких *e и *ɛ) обще-турецкого *ɛ:r, сравн. хивинск. ɛ:r || чувашск. ar [в туркменском ə:r, но сравн., наоборот, отражения нач. *e:, напр., в слове „рано"—узб.-хив e:rtɛ || чув. ir || туркм. i:r].

[2] Слово „пройди мимо, минуй" имело в обще-турецком краткий гласный *ө (сравн узб., хивинск., иканск. өt), а слово „желчь"—долгий *ө: (хивинск. ⁽ʸ⁾ө:t, иканск. ө:t, туркменск. ө:t и т. д.). Но и в каракалпакском, и в казакском, и в хорезмских собственно-узбекских говорах (как и в ряде других тур. языков) обще-турецкие долготы уже исчезли, а в связи с этим и вообще отсутствует различение кратких и долгих гласных. Добавлю кстати, что в ташкентско-бухарской группе и большинстве из городских говоров ферганской группы узб. говоров (но не в андижанском, шерхонском, и кишлачных чартагском и саранском типах) данные два слова—„минуй" и „желчь"—став гомонимами между собой, совпали еще с двумя другими словами: тур. *ot „трава" и тур. *o:d „огонь"; таким образом все четыре данные слова—„минуй", „желчь", „трава" и „огонь"—звучат в данных узб. говорах одинаково, именно ввиде ot (с ультра-узким o). Причина этого в том, конечно, что после совпадения долгих гласных с краткими (т. е. после совпадения слов **внутри пар** „минуй" и „желчь", „трава" и „огонь") в данных говорах последовало совпадение гласных *ө и *o под влиянием гибридизации с таджикским языком. Таким образом, можно сказать, что огузское наречие узб. языка различает все четыре данных слова, кыпчакское имеет для них только две формы, а иранизованные ташкентско-бухарские говоры (как и большинство городских говоров Ферганы)—только одну.

ных языках (и диалектах) имел основания быть доведенным до конца: до своего естественного предела — до тожества в физическом отношении с комплексом je внутри слов. А так как вполне естественно, что дифтонгизация всех трех полу-узких гласных (ᵋe ᵋө ᵋo) должна была итти параллельно, то аналогичные результаты мы имеем и для ᵋө, и для ᵋo.

Отсюда же понятно и то, почему дифтонгизация нач. полу-узких вообще является типичной и для „собственно-узбекских" говоров вне Хорезма—ибо они тоже являются „джокающими", т. е. обладают нач. ç ← ᵏj.

Что же касается промежуточного (в отношении размеров данной дифтонгизации) положения „йокающих" говоров „хорезмской собственно-узбекской" группы, то оно становится понятным из признания двух фактов: 1) что некогда эти говоры тоже были „джокающими" (это предположение кажется мне наиболее вероятным)[1], 2) что под влиянием хивинского и т п. говоров они стали „йокающими", и следовательно приобретен был—уже в сравнительно позднее время—фактор, препятствующий полному осуществлению дифтонгизации начального e.

Переходя к вопросу о модификации этимологических узких гласных (ᵋi ᵋy ь u), можно прямо сказать, что как в казакском, так и в каракалпакском, а в значительной мере также и в северно-хорезмском, гласные, транскрибируемые мною ввиде i y ь u, на самом деле не являются гласными, принадлежащими к данным четырем фонетическим типам звуков (*i*, *y*, *ь*—т. е. „*ы*", *u*). Следовательно моя транскрипция в данном отношении вполне условна.

Именно, каждый из данных древне-турецких узких гласных подвергся—в истории названных языков—модификации в сторону „открытости", т. е. приблизился к типу соответствующего полу-узкого гласного: *i получило уклон к типу e, y— к типу ө, *ь [„*ы*"]—к типу ʌ [„mid-back-unround" по английской классификации гласных Bell'я и Sweet'a], u—к типу *o*. Эту модификацию мы вправе рассматривать как одну из сторон редукции (и здесь—именно качественной редукции) данных гласных, но наряду с ней отмечаются и два других проявления редукции: во-первых, редукция количественная (достигающая maximum'а, пожалуй, в казакском), во-вторых, нивеллировка характерных для данных гласных укладов языка уже не в вертикальном (от узких к полу-узким), а в горизонтальном направлении: от front к mixed и от back к mixed. Суммируя эти три сдвига под общим понятием редукции узких[2] гласных, мы можем дать этому понятию (редукции) следующее пояснение: узкие (и при том не долгие) гласные, в силу обще-фонетических свойств этой именно категории гласных[3], изнашивались и сокращались как в количественном отношении, так и за счет специфических черт своего физиологического уклада: нивеллировались, или так сказать „обламывались", те выступы языковой поверхности, т. е. спинки языка, которые являлись крайними пределами выдвижений языка при гласных — вверх и в то же время вперед или назад, т. е. по вертикальному и горизонтальному напрвлениям. То же самое, очевидно, имело место и в истории славянских звуков „ъ" и „ь", т. е. в период редукции индо-европейских *u *i до качества славянских „ъ" и „ь" (перед „падением", т. е. превращением в нуль, этих „ъ" и „ь").

---

[1] Отмечу, что в к-ке *Досумбий* (Горленского района) мне встретилась форма juwap вм. çuwap „ответ", т. е. случай неверной подстановки нач. j на место нач. ç (—неверной потому, что в этом заимствованном слове ç не восходит к тур. *j, а имеется во всех узбекских говорах). Это говорит именно за переход от „джоканья" к „йоканью" (под влиянием хивинского и вообще огузских говоров)

[2] Разумеется, ратких (ибо долгих уже не существовало), но о комплексах ij, yw, ьj, uw, которые в известном отношении играют роль долгот по отношению к i, y, ь, u и именно на правах долгих (или quasi-долгих) гласных, задерживают редукцию, нужно было бы говорить особо.

[3] Об этих свойствах категории узких гласных, а следовательно и о причинах преимущественной редукции именно узких гласных, говорится в моей статье „Мутационные изменения в языке" (в связи с японскими примерами редукции i и u).

Вот почему, когда на лекциях меня иногда спрашивают—как же фактически звучали славянские, в частности древне-русские, „ъ" и „ь"?—я позволяю себе в качестве параллели указать именно на казакские этимологически-узкие гласные—именно на казакское i [ə̈] и казакское u [ə̑] в изолированном их произношении. Напомню, что если мы попросим казака произнести в изоляции звук i или звук u, он произнесет до нельзя краткий звук, производящий на слушателя впечатление мгновенного; вместе с тем налицо будет и результат качественной редукции: русскому наблюдателю станет совершенно ясным, что эти казакские i и u вовсе не однородны с русскими „*и*" и „*у*"; наоборот, они окажутся более близкими к типам *е* и *о*[1] (чем к типам i и u); однако и от привычных для нас звуков типов *е* и *о* они будут, в свою очередь, отличаться—именно своим уклоном в сторону mixed. Эмбриональные моменты этой модификации узких гласных, ярко представленной казакским языком, могут быть найдены и в других турецких языках—например, почти во всех говорах узбекского языка (если не принимать во внимание таких говоров, как самаркандский или ходжентский,—представляющих собою узбекскую речевую систему в устах двуязычного таджикского населения, и потому в своей гласной системе просто повторяющих таджикский вокализм).

Что же касается каракалпакского языка, то он в данном отношении весьма близок к казакскому. Его этимологические узкие гласные (транскрибируемые мною как i у ь u) в изолированном произношении имеют аналогичную или близкую к казакской степень качественной, по крайней мере, редукции. Следовательно, каракалпакское i можно было бы в точной транскрипции, следуя системе профес. Щербы, выразить знаком ь; каракалпаское *у*—знаком Y, каракалпакское *ь*—через ъ̆ (или даже Λ), каракалпакское u—через 8. Но само собой разумеется, что поскольку условности транскрипции оговорены, мы имеем полное право принять во внимание требования типографской техники, и удовольствоваться знаками *i у ь u*, совпадающими с буквами каракалпакской латиницы для данных фонем.

В значительной мере то же можно было бы сказать о данных четырех звуках в северно-хорезмских узб. говорах. Однако о полном тожестве их с каракалпакскими, и далее—с казакскими i у ь u,—заключить еще нельзя. Мне кажется возможным, что здесь удастся наметить три градации: 1) максимальная модификация (и редукция) данных узких гласных—в казакском, 2) несколько в меньшей степени—в каракалпакском, и 3) еще в несколько более слабой степени—в северно-хорезмском собственно-узбекском. Однако, здесь мы подходим к такому фонетическому вопросу, на который рискованно давать ответ на основании лишь единоличных субъективных оценок. В тех же условиях, в которых мне удалось заняться каракалпакским языком, у меня не было ни возможности, ни времени для экспериментов: ни для инструментальных, ни для психофонетических(—без инструментов, но с привлечением нескольких разноязычных объектов).

До сих пор у нас шла речь только о спонтанеической или основной характеристике гласных i у ъ u. Но кроме модификации этой основной характеристики есть еще целый ряд других проявлений тенденции к падению узких гласных—в определенных комбинаторных (или позиционных) условиях.

Так как, однако, эти процессы—напр. процесс оглушения и нулизации узких гласных между двумя глухими согласными в неударенном слоге—оказываются в значительной мере[2] сходными в разных турецких язы-

[1] Сравн. переходы ь → е и ъ → о (т. е. конвергенцию уцелевших от падения случаев Ь и Ъ с звукопредставлениями Е и О, как с качественно-ближайшими гласными фонемами) в русском языке, напр, ДЬNЬ → д е н ь, СЪNЪ → с о н).

[2] Различий в деталях между разными тур. языками, respective диалектами, конечно, нельзя отрицать. Например, в ташкентском говоре узб. языка и в кашгарском языке (в устун-атушском говоре) оглушению и нулизации может подлежать и гласный однослож-

ках, то останавливаться на них по поводу каракалпакского в отдельности было бы излишним (общую типовую картину этих явлений в тур. языках можно составить на основании того, что говорится про „редукцию узких кратких гласных“ в моей работе об азербайджанской фонетике).

Подтверждение того, что в отношении данных явлений (в частности в отношении условий оглушения узких гласных, напр. в каракалп. kı̥şkene, и редукции без оглушения, напр. basᵇna) каракалпакский повторяет основные нормы других тур. языков в том числе напр., узбекского,—читатель может найти и в нижеприводимых текстах. Необходимо, впрочем, предупредить, что я не старался достигнуть полноты в обозначении данных комбинаторных оттенков (оглушенного варианта—значком ̥ и редуцированного—употреблением малой буквы над строкой, как в basᵇna), следовательно, нужно принимать во внимание лишь случаи, где **е с т ь** данные обозначения; отсутствие же их еще не значит, что редуцированный, respective оглушенный вариант фактически отсутствовал в произношении.[1]

П е р в ы й т е к с т (с лингвистическ. примечаниями), **с к а з к а** (ʲertek). вʲr adamnьŋ [1] yş balasь [2] wareken [3]. ʷol adam ballarᵇna [4] bijdíjdi [5] ballarьmseller [6] men ᶣølγende meniŋ basᵇma [7] warьp həpte sajьn [8] gyzøtip şьra çaqьw-otᵘruŋ [9] dijdi, вʲr gynleri [10] əkesi [11] ᶣølyp yş balasь ƶetim [12] qaládь. kı̥şkentaj [13] balasь ᶣøzınіŋ [14] ʲeki aqasᵇna—əkemniŋ bajaqь ajtqanьn [15] ʲetip basьna warьp gyzøtsek nè-qᵇládь [16]—deγende gyzøtвejaq [17] qojájьq dep çuwaв berédi. kı̥şkentaj wala apasᵇna [18] kelip—вajaqь əkemnıŋ ajtьp-ketken søzlerin [19] ıslejık dep ʲekı aqama ajtьw-edim. ᶣ ølinıŋ [20] basᵇna warьp gyzøtyw kerégemes deв ajttь. sonnan kejin apasь ᵘølınıŋ ajtqanьn tʲri [21] qьlatuqunвédi. [22]

вárьp həpte sájьn [24] əkeniŋ basᵇna warьp gyzøtip şᵇra ƶaqьw-otᵘraqoj dıjdí [25] kı̥şkentaj walasь çaxsь ʷonda əkemnıŋ basᵇna warьp ᶣ ølyγin gyzøtéjin dep əwlijege ketédi. əwlıjege warьp вʲr tyn gyzøtip yjʲne [26] qajtьp kelédi. yjʲne

kélip ʲeki kyn çatqan-soŋ bala tys kóredi. kərγøn ty̆syn apasᵇna ajtádь. men

ty̆symde ʲeki tulpar usláw-alьp mʲnip tojqa warьp toj tojlap çyr ʲeken-men. [27]

apasь вijdeв çórьjdь. ʼsen вalam muratᵇŋa ƶetersen [28] díjdi. táqь вʲr həpteden kejin pijşemвi-kyni atasьnьŋ basᵇna warьp tynese вʲr həpteden kejin pijşemвi kyni atasьnьŋ basᵇna warьp tynese вʲr køk [29] tulpar qasᵇna kèlip sılkinip ƶiveriw-edi [30]. ʲer-turmanь-menen [31] saz вolup turdь. bala attьŋ qujruqьnьŋ вʲr qьlьn çuluwálьp attь вosatьp çlwerewérdı. [32] táqь saqattan kéjın ƶaxsь вʲr qara tul-

---

ного слова, т.-е ударенный узкий гласный· сравн. ташк. cş „зуб“ (переход t → c возможен только благодаря соприкословению *t и ş в результате физической вулизации гласного ı), тоже в кашгарском усун атушском cş || в большинстве других турецких языков и в других говорах узб. языка tış со звонким (ı), хотя и с весьма кратким, обычно, периодом голосового тона || узб. хивинск., туркменск., азербайджанское dış.

[1]) Подобное отсутствие полноты в обозначении комбинаторных (и комбинаторно-факультативных) оттенков фонем становится понятным в связи с тем, что моя транскрипция, прежде всего, пофонемная транскрипция. Отметка же комбинаторных оттенков—не обязательный привесок к пофонемной транскрипции. Принципиально, отсутствие обозначений комбинаторных оттенков (если оно является нормой) мотивируется тем, что о местах наличия этих оттенков читатель может судить на основании фонетических законов о данных оттенках в данном языке (законов, которым полагается быть оговоренными в описании), т.-е. без помощи со стороны транскрипции. В данном же случае относительно таких случаев редукции как в basᵇna (т.-е. редукции без оглушения) можно добавить еще то обстоятельство, что эти „оттенки“ могут считаться, б. ч., комбинаторно-факультативными.

Главное же—практическая невозможность ручаться за полноту указаний подобных оттенков, при диктовке связного текста (а не отдельных слов) вполне возможен невольный пропуск—особенного такого случая редукции как в basᵇna (тем более, что точной границы между произношением basьna и basᵇna не существует); заставлять же объекта повторять слово в изоляции в данном случае нельзя, так как поскольку данный оттенок факультативен, он может исчезнуть при изолированном произношении (сравн. факультативность вариантов çapьпа | çappa как в каракалпакском, так напр. и в северно-хорезмском узбекском).

par ʲer-turpanь-menen saz bolub balanьn qasʲna keldı: [25]. bala attьn qujruqьnьn bʲr qьlьn zuluw álьp atts bosatьp çiberewerdí. sol jeldın [33] bʲr patşasьnьn bʲr qьzь [34] war-eken. qьzьn heş kyjəwgə bérmegen menın qьzьmdь [35] kimdekım alûw-uşûn [26] mana u şᵘxurdьn ʲeki ʲekı şetıne ʲeki ylkən baqandь [3] kəmyr ystine kese ylkən aqaştь taslap [8] sonun ystınen atьn qarqьtьp aman şьqsa menin qьzьmdь alsьn deв zar [9] urdurádь sonnan-kejın çurttьn вə:: rı [40] çьjьládь [41] toj woládь. [41] bajaqь kʲşkene balanьn ʲeki aqasь bizler tojqa warámьz sen maldь waqьp-kel [43] dijdı вala zьlap [44] mende tojqa waraman dep qьjxan [45] saládь. aqalarь sen tojqa bárma malьndь [46] waq [43] dep ursup çıweredı. [47] вala zьlap-zьlap mal baqьв ketédı.: [25] malьn baqьв çyrgende [48] qasьndaqь [19] padaşь zəldas ʰna sen menın mallarьmdь вyŋynşe baqьp tur. menın вʲrəwde [50] almaq haxьm [51] вaredı, sonь alьp keléjin dep qolьndaqь barlьq [52] azьqьn [63] bernp ᵘəzı tojqa waruwqa zol zyryв baratььр вajaqь kək tulpardьn qujruqьnan [54] çuluw alьp qalqan qьldь ʷotqa yjtyp ʲedi. [55] ʲer-turmanь-menen kək tulpar tajьm—boldь [56] sol kək tulpardь вala minip tojqa gelip [57] kese qojqan aqaştan qarqьtьw ʲedi [58] at syrnyʲip [59] zьqьlmaj qarqьjalmaj qajtьp şᵇxtь [60] вasxa [60] atьn qarqьtqan adamlardьn atь zьqьlьp ᵘəlywátьr [61] вala keşxurun [60] mal ᵇna waı ьp malьn ajdap [62] yjyne kéledı qarasa aqalarьda [6] tojdan kelgene ʲeken. вala ʲeki aqasᵇna вygyngi tojda kımnın [64] atь qarqьdь dep sorasa ʲeki aqasь вijdeв çuwaв [65] вerédı—вygyngi tojda atьn qarqьtqan adamlardьn вə rı çьqьlьp ᵘəlywátьr [71] вʲraq вʲr вala atьn qarqьtxanda [6] atь syrnyʲip çьqьlmaj qajtьp şьxtь paj zanqarдьn [66] atь at ʲekenaw [67] aman ᵘəlmej şьxtь dijdı ʲertenine ʲeki taqь tojqa ketèdi aqalarь ketiв вaratxanda [60] kʲşkene вala—mende tojqa вarájьn—dese aqalarь—sen tojqa wáıma dep malьndь. вaq dijdi вala mal ᵇnь ajdap keteverédi maldь [4] ərysine вaıqan-sonqas ᵇndaqь padaşь [68] zoldas ᵇna—sen вʲzın [69] maldьda вaqьp tur, men keşeʲi çumusьm pʲtpej xalьw [60] ʲedı sol çumusьma warьp keléjin dep barlьq nánьn [70] qasьndaqь padaşьqa вerıp ketédı вьlajьraq şᵇqqan-son вajaqь qara attьn qujruqьnan çuluw alqan qьldь [винит. пад.] ʷotqa yjtyp ʲedī. ʲer-turmánь-menen qara at həzır boldь [71] вala átts [72] minip вajaqь tojqa warьв çurt [73] atlarьn [74] вajaqь şuqurqa kəmgen aqaştan qarqьtьp atlarь qarqьjàlmáj çьqьlьp ᵘəlywátьr [61] (при повторе фразы ᵘəlywatь::r с „мелодией сказуемости" на последнем слоге: см. [25]) qara tulpardь вala tulpardь minıp aqaş kəmgen şᵘxurdan [60] atts qarqьtqanda at çuqвastan [75] şᵘxurdьn arzaqьna qarqьp şᵇxtь вalanь adamlar kijizge salьp kəterip aq ʷotawqa apaгьр [78] вajaqь patşanьn qьzьn sol вalaqa вerėdі: (с „мелодией сказуемости" [25]) вala qьzdь [78] alьp maxsedni çetedı:: (с „мелодией сказуемости") [25] çurttun вəri вalaqa hajran qaládь.

Пояснения транскрипции. В целях упрощения набора я пользуюсь не интернациональной системой МФА (как в моих работах, опубликованных в Ленинграде, Москве и за-границей), а условной транскрипцией на основе узбекского лат. алфавита, с немногими лишь отступлениями и дополнениями к нему. Так, вместо *v* я пишу w—чтобы подчеркнуть губногубной характер звука [тогда как в не-сингармонистических диалектах узбекского языка можно встретить и губно-зубное v (как и промежуточные—между v и w—разновидности); в таджикском тоже преобладает губно зубное v, а в туземно-еврейском оно только и имеет место (т. е. звука w почти не встречается—даже на конце слога); в сингармонистических узб. диалектах, наоборот, господствует губно-губной—w, характерный и для казакского и для каракалпакского].

Надо помнить, что знак a следует читать как в сингармонистических узб. говорах, т. е. как типичное для тур. языков „заднее A" (см. ниже), но не как в не сингармонистических узб. говорах (где *a* = [ɔ] МФА). О дифтонгах (или полифтонгах) ʲe ᵘə ʷo уже говорилось выше; напомню, что знак ɥ взят из МФА и означает „осогласненное у" (т. е. y : ɥ = u : w = i : j).

Ударение я отмечаю только 1) тогда, когда оно слышится не на последнем слоге (т. е. при случаях депласации ударения); 2) когда имею в

виду передать и главное и второстепенное ударение (главное — знаком ˊ, второстепенное—знаком ˋ).

Каракалпакский язык (в отличие от огузского наречия узб. языка и кышлачного типа северно-узбекских говоров чагатайского наречия) не обладает различением кратких и долгих гласных. Поэтому мне оставалось отмечать только 1) случайные или спорадические долготы (точкой), 2) ультра-долготы при эмфазе и „мелодии сказуемости“—см. прим. [5]

Варианты фонемы *l* (l_1 = „твердое“ *ль* и l_2 = среднее, западно-европейского типа l) в транскрипции не различаются: на них указывает сингармонистическая характеристика данного слова: в „задних“ словах (или в „задних“ частях „ломаных“ слов)—l_1, в „передних“—l_2.

В связи с вышесказанным относительно звука ı и относительно „твёрдости“ k g надо помнить, что слоги sı tı dı и т. д. воспринимаются русским слухом как *сы, ты, ды,* и слоги ki gi как *кы гы.*

γ—проточный вариант g (факультативный вариант фонемы g внутри слова).

q_2—смычный вариант фонемы q (комбинаторный вариант: после n, ŋ).

Знаком ˬ отмечаю оглушение. Кружок ˳ внизу означает слогообразующую функцию. Малые буквы вверху означают редукцию звука. Кроме того, для передачи туркменского звука типа английского «звонкого *th*» я пользуюсь знаком d_3.

Прочие условные знаки оговорены в описании фон. системы.

Примечания к первой сказке. [1] В родительном падеже после носового суффикс имеет форму пьŋ | niŋ, но в винительном dь | dı (т. е. с согласным d ← *n): adamnьŋ, но adamdь и т. п. Эта черта, общая также и обеим группам „хорезмских собственно-узбекских“, объясняется, конечно, ассимиляционным влиянием конечного ŋ в суффиксе родительного: благодаря нахождению между двумя носовыми: 1) конечным носовым основы (напр. m- в adam-) и 2) конечным ŋ суффикса,—согласный n (в nьŋ | niŋ) сохраняет свою назализацию, т. е. не переходит в d. [Сравн. сходные в известной мере, в фонетическом отношении, факты в азербайджанском исходном падеже (на nan в adamnan, вм. *dan) по сравнению с местным (adamda)].

[2] В слове bala-sь ('его сын, его ребенок') ударение было воспринято моим русским слухом на втором слоге—la; вероятно, это просто результат диаметрального различия по степеням звучности между гласными ь и a.

[3] „У одного человека было три сына (буквально: трое детей)“. war-eken вм. bar-eken благодаря условиям Satz-sandhi; но, конечно, здесь вполне возможно и сохранение смычного в. Морфема bar | -war „наличие, есть, имеется“ (принадлежащая, как я уже не раз писал об этом, к именным, а не глагольным основам тур. языков) восходит к обще-тур. *ва:r (сравн. узб.-хивинск. ва:, ва:r-ɛkɛn || узб.-иканск. ва:r, bá:na „есть-ли?“, ba:r:ɛkɛ || туркм. ва:r || якутск. ва:r || чувашск. por, pur; есть возможность предположительно объяснить и генезис этой обще-тур. долготы (a: в слове *ва:r), поскольку верна этимология данной основы из до-турецкой глагольной формы [verbı Essivi]). В каракалпакском это bar (←о.-тур. *ва:r) является, конечно, гомонимом к повелительному bar (←о.-тур. *bar с кратким *a) „иди, ступай“. В комплексе bar-eken (или—war-eken) благодаря превращению его в единое слово, дифтонгизации гласного e нет; но после паузы, конечно, [i]eken.

[4] В хорезмских собственно-узбекских говорах соответствует baqalaгьпа (baqalar•na) „его (своим) детям“. „Дети“— в каракалпакском ballar (подобное стяжение: llar [или llər] ← la-lar, встречается в этом слове напр. в хивинском, иканском, андижанском говорах узб. языка и т. п.); в хорезмских собственно-узбекских „дети“—baqalar (с диссимиляцией lal → qal).

[5] „Завещал“; вм. прошедшего Praesens historicum.

[6] „Этот человек завещал своим детям: вы....“ Вместо seller возможен исходный в фонетическом отношении дублет sen-ler (множ. число от „ты“,

следовательно—„вы"). В узбекском же senlər, sənlər значит „подобные тебе": sənlərni biləmən „я вашего брата (—таких, как ты) знаю".

[7] „Когда я умру, на мою могилу"... (bas-ьm a). Буквально—„на мою голову" (bas ← baş „голова", как и в казакском).

[8] „Каждую неделю".

[9] şᵇra çaqьw (или zaqьw)—otᵘruŋ „возжигайте светильник"—экв. лит. узбекского сьraq jaqьp otьrьŋ. Чередование для конечного согласного в слове çaqьв, выше в | w | p, принадлежит к сандхическим (Satz-sandhi) чередованиям, и особенно часто наблюдается именно в деепричастиях типа jaqьp || каракалп. çaqьp. Перед глухим согласным (в начале следующего слова) слышится p: çaqьp; но çaqьв перед звонким, напр. перед в в начале следующего слова, при условии отсутствия паузы между этими словами. çaqьв ver; и çaqьw—перед нач. гласным следующего слова.

[10] bᶦr gynleri „Однажды".Слово день, солнце по каракалпакски—kyn (звонкий согласный вм. *k только в юго-западно-турецкой группе: узб. хив. g'yn || туркм. gyn и. т. д.) Но в комплексах, ставших уже обособленными наречиями времени—напр. вугуn „сегодня" собственно узбекск. хорезмск. bir gyllən bir gyn „однажды",—в каракалпакском, а также и в узбекском (особенно в Хорезме—то-есть в хорезмской собственно-узбекской группе), фигурирует основа gyn. Объяснять эти случаи заимствованием из юго-западно-турецкой группы довольно затруднительно. Здесь я ограничусь упоминанием про каракалпакское чередование начальных k и q с парными к ним звонкими g и q в условиях Satz-sandhi (т.-е. с чередованием того же, в общем, типа, что и известное всем японистам явление „нигори" в японском языке в начале второй части сложных слов: яп. ki „дерево" | jana-gi „ива" и т. п.): ср. ниже в данном тексте ne-qᵇladь вм. ne qьladь—прим. 16, и др. примеры. М. б. объяснение форм в роде вугуn (из bu kyn), каракалпакского bᶦr gyn- и т. п. следует искать именно в аналогичных только-что приведенному (каракалп. ne-qᵇladь и т. п.) явлениях.

[11] əke в каракалпакском значит „отец" (но есть и ata). Замечу кстати, что со значением „старший брат" употребляется слово aqa. Подобным же образом, apa означает в каракалпакском „мать" (как и в кашгарском языке).[1] Форма əke (тождественная с казакским əke) восходит к *ata-ke → *ətike → ətᶦke, с дальнейшим падением второго слога (*tᶦ), а также ассимиляцией начального a в *ake (по принципу Umlaut'a a...e → ə.e). Указанием на этап *atike или *ətike может служить монгольск. ЕЦИГЕ „отец" (в монгольском из турецкого). Таким образом казакск. и каракалпакск. əke возводится к производному от детского слова ata второго фонетического типа „детских слов": V_1CV_1 [или $V_1C:V_1$ как в греческом ἄττα=atta] с наращением суффикса ke. Иначе говоря, получается очень близкая, по внешности, параллель к формации русского слова о т е ц, происходящего от детского слова ata с суффиксом -ko | *-ke именно из *ata-ko s → atikos [переход a → i может рассматриваться как этап на пути редукции гласного а второго слога] → ОТЬЦЬ → о т е ц. Во всяком случае первый элемент (*ata) в той и другой формации—и в русском о т е ц и в казакско-каракалпакском əke —может считаться одинаковым—в качестве одного из о б щ е - ч е л о в е ч е с к и х элементов детской речи. Сходство же суффиксов (и. е. *-ko- | -ke и казакско-каракалпакское -ke), вероятно, случайное. Между прочим, по поводу данного -ke следует иметь ввиду следующее замечание В. Радлова (Phonetik der nördlichen Türksprachen, § 295, стр. 191): „Das Diminutiv-Affix q a n, k a n mong. «qan, gən» [за отсутствием в типографии монгольского шрифта я транскрибирую эти монгольские написания данного суффикса узбекской латиницей Е. П.] in alt.

[1] Сравн заимствованное из тур языка слово эрэ „мать" в диалекте маргеланских цыган „люли" (т.-е. в одном из персидских—в широком смысле слова—диалектов).

ămăγăn (Mütterchen), ŏbŏgŏn (Greis). janvsqan (nur einer) lautet bei den Kirgisen *kd* [т.-е.=казакск. ﻪﻛ -ke E. П.], Z. B. *ataka* (Väterchen), *aγakă* (Brüderchen)".

Иначе говоря, Радлов выводит казакский суффикс -ke из *-qan | -ken.

[12] „Когда однажды отец их умер, трое детей его остались (Praes. historicum) сиротами." ƶetim | çetim ~ 'jetim „сирота".

[13] „Младший", «ломанное» слово: первая часть (kı şken-,ср. kı şkene „малый") принадлежит к „передним" в сингармонистическом отношении комплексам, вторая (-taj)—к „задним".

[14] Согласно доминирующей норме, губная аттракция обязательна для второго слога лишь тогда, когда первый слог имеет узкий (этимологически-узкий) губной у или u Поэтому— ᵘөzının, не ᵘөzyniŋ. Однако возможны и исключения: напр. ᵘөlyp (умерев")—здесь наличию губного гласного у (вм. i) благоприятствует конечный губной согласный (p).

[15] Основа ajt „сказать" в каракалпакском, как и во всех узбекских говорах Хорезма, является „задней", т. е. здесь не произошло перехода a- ə под влиянием следующего j. Для „собственно узбекских" центрального Узбекистана также является нормой ajt-(не əjt-). Правда, в ближайшем к Самарканду из казак-найманских говоров я нашел уже əjt-, но наряду с этим и следы существования основы ajt; так мой объект — уроженец данного казак найманского кышлака—употребляет дублетные формы: ajtь ajtьlar рядом с əjti əjtilər [но не ajtqan — только əjtkən], по его словам основу ajt-во всех формах употребляют некоторые старики; в другом же из казак-наманганских говоров—в кышл. Девана-тепэ в 25 клм. от Самарканда,—по словам аспиранта тов. Ибрагимова употребляется только ɔjt-. Вместе ajtqanьn в средне хорезмской, т. е. не-казакизованной, подгруппе Хорезмских собственно-узбекских говоров было бы ajtqanьnь. В „казакизованной" же, т. е. северно-хорезмской — одинаково с казакским и и каракалпакским—ajtqanьn. əkemniŋ bajaqь ajtqanьn—„то, что давеча сказал мой отец".

[16] „Когда младший сын (его) сказал своим двум старшим братьям: что (ne-qыladь) если мы исполним то, что давеча сказал мой отец—сходим и поклонимся на его могилу?"... Буквально nè-qыládь (из ne qыládь) значит „что делает?" См. выше примечание 10 Подобным же образом и название народа qara-qalpaq в быстрой речи произносится как qaraqalpaq. Ударение на ne—в nè-qыládь стоит в связи с тем, что вопросительные слова („что?" и т. п.) обычно выделяются в акцентуационном отношении, при чем часто бывает, при многосложности слова, и депласация ударения на первый слог. В данном произношении фразы (при диктовке текста) я восприинял ударение на ne—как более слабое по сравнению с ударением на слоге la (в -qыladь), но это не означает, что так будет всегда: возможно и произношение né-qыladь.

[17] Из ᵏgyzөt-me-j (деепричастие настоящ. отрицательное) + -aq (суффикс, усиливающий значение глагольной формы). „Обойдемся и без поклонения—отвечают они."

[18] „Младший сын пришел к своей матери и"... Слово apa значит „мать". Таким образом вместо apasьna в узб. хивинском было бы ɛnɛsinɛ, в ташкентском ɔnəsıgə.

[19] Винительный п. „его слова". Отличием каракалпакского от казакского является сохранение l в sөzlerin и т. п. формах: казакск. sөzderin || северо-хорезмск. узб. şөzlərin || в „не-казакизованной" средне-хорезмской подгруппе sөzlərıni, как и в лит. узб. языке.

[20] „Покойника" (род. пад.). Возможно и произношение ᵘөlyniŋ, хотя и с ослабленной лабиализацией гласного у

[21] tı ri „живой" || хорезмск собств.-узб. tı ri || хив. и т. п. dı:ri || в узб. иканском и кара-булакском ti:rik || самарк. tirik (сравн. sarь „желтый" || sa:rь || sa:rьq || səriq = saəriq — в тех же говорах).

[22] Из *qьl-a—tur-qan—(e)-me-di. qьlatuqun—причастие наст. вр. (та же форма—с суффиксом—tuqun—и в северно-хорезмском узбекском), к нему присоединена суффиксация со значением прош. отрицательного, следовательно, буквально: „делающим не был.“ Но каракалпакское современное значение уже совсем иное. На него проливают свет казакские формы qьlatьn, baratьn и т. п., которые тоже восходят к сложениям с *tur-qan т. е. к *qьl-a—tur-qan, ᵏbar-a—tur-qan и т. д. (о них говорит Мелиоранский в своей „Киргизской“ грамматике), и которые означают: „надо сделать,“ „надо пойти“. Итак, мать говорит младшему сыну: „живым не надо делать того, что сказал покойник“...

[23] ʰөz-in-aq „ты сам“—с усилением, или подчеркиванием значения, благодаря суффиксу—aq. „Пускай они не идут, достаточно, чтобы ты сам (или „ты сам хотя-бы“, „только ты“) каждую неделю ходил на могилу отца, совершал бы поклонение и возжигал светильник“(—otur-a-qoj,—конечно, форма эмфатического повелительного, следовательно точнее было бы: „ты сам... ходи на могилу отца, совершай поклонение к возжигай светильник“).

[24] Слова həpte sajьn были произнесены с депласацией ударения (на первые слоги).

[25] Знаком :: я обозначаю в данном тексте эмфатическое (и притом весьма сильное) удлинение гласного, на котором осуществляется в то же время (—именно благодаря данному удлинению, или „ультра-долготе“) мелодия сказуемости. В качественном составе этой мелодии (или интонации) сказуемости я не вижу более или менее явных отличий от соответствующей мелодии сказуемости в узбекском (но зато, как узбекская, так и каракалпакская мелодия эта существенно отлична от азербайджанской). Напомню, что данная интонация („мелодия сказуемости“) вовсе не сопровождает каждое сказуемое, т. е. каждую фразу: она имеет место лишь при наличии особого намерения рассказчика подчеркнуть значение предикативности (и в то же время,—законченности некоего периода, как логического целого). Повидимому, в каракалпакском и узбекском данная интонация употребляется, в общем, реже, чем соответствующая ей интонация в азербайджанском.

В данном слове dijdi:ˑ мелодия сказуемости (и необходимое для нее удлинение гласного) приходится на ударенный слог, но как видно из других примеров (со знаком :: в данном тексте) она может иметь место и в конечном неударенном слоге, т. е. осуществляться несмотря на депласацию ударения с этого конечного слога.

[26] Повидимому, возможно и произношение yjʸne [„в своей (его) дом“].

[27] Полагаю, что çyr ʲeken-men это—раздельное произношение формы çyr-eken-men (от çyr-|ʒyr- „итти“), являющейся одним из специфических глагольных формообразований каракалпакского языка.

[28] В записи указано, что заслушано было и произношение начального ʒ (вм. ç).

[29] Гласный ө в kөk для русского слуха кажется почти тожественным с русским „о“ (и следовательно, слово хочется сопоставить с русским *кок* „корабельный повар“). Следует принять во внимание сказанное выше (в числе признаков консонантизма) о максимальной „твердости“ ꞩ ꞩ в каракалпакском языке.

[30] Возможно, конечно, и çiberib-edi (т. е. возможны чередования дублетов ç | ʒ, в | w, в | w). Глагол. çiber-(ʒiwer-) восходит к *jyber и играет роль вспомогательного (сравн. ту же функцию в „собственно-узбекских“, например в казак-наиманском).

[31] ʲer-turman—compositum типа Dvandva (или копулятивное): „седло и упряжь“, ʲer || киргизск. e:r (из *ejer←—ˀeŋer || узб. egər). Суффикс творительного (Instrumentalis—Sociativus) menen || казакск. men и т. д. || узб. ташкентск. minəm, в прочих узб. диалектах minən (узб. лит. بيلان) || алтайск. la | le || хакаск. neц | naц (без ударения—в отличие от одного из дублетов суф-

фикса исходного падежа: néŋ | náŋ), и т. д. Все эти формы произошли, по совершенно ясным историко-фонетическим причинам, из *bir-lɐ-n, которое можно понимать, как повелительное от глагола *bir-lɐ (производного от bir „1“) с суффиксом возвратного залога—n; следовательно برلن первоначально значило „присоедини себе“ (а дублетный послелог برله—просто „присоедини“). Превращение (грамматикализация) этого слова в суффикс Instrumentalis-Sociativi относится, конечно, к гораздо более поздней эпохе, чем формация прочих падежей тур. склонения, и значит, фонетические модификации: *birlɐn → bilən → binən → узбекск. minən → ташк. minəm, или *bi(r)lən → b(i)le → алтайск. -le | -la, и т. п.—происходили в сравнительно поздние периоды изолированной эволюции отдельных языков. В связи с этим данный комплекс—во многих из турецких языков—занимает еще промежуточное место между послелогом и падежным суффиксом. Это относится, в частности, и к каракалпакскому: в отличие от суффиксов прочих падежей—menen не имеет „заднего“ сингармонистического дублета—как и minən в сингармонистических узб. говорах [кроме того, в ряде тур. языков данная морфема выделяется от прочих падежных суффиксов по акцентуационному признаку: наприм. в хакаском; в известной мере подобное акцентуационное отличие присуще и узбекскому minən]. ʲer-turmanьmenen saz bolup (экв. sazlanьp „приготовясь“) значит: „предстал оседланным“.

[32] Или zibere-berdi (депласация ударения независима, понятно, от чередований дублетов ç | z, в | v).

[33] „Этого народа“ (родит. пад.). Сравн. хивинск. e:l, азербайдж. el.

[34] Первое ь в qьzь, конечно, гораздо короче (ультра-кратко), чем второе. Каракалпакскому и собст.-узбекскому qьz соответствует хив., шораханск. и т. п. qi:z (но в ново-ургенчском qьz, повидимому под влиянием соседних собственно-узбекских). Как показывает хивинск. и т. п. и иканск. форма qi:z, а также туркменск. q₂i:d₃, якутск. kь:s и т. д., это слово восходит к о.-тур. *qь:z, причем *z в свою очередь восходит к алт. *r̃ (т. е особого типа r), на что указывает чувашская форма слова.

[35] Формы вин. и род. падежей (с притяж. суффиксами 1 и 2 л.) типа qьzьmь, qьzьmьŋ, qьzьŋь, qьzьŋьŋ, qьzьmьzь и т. д, представленные некоторыми „не-казакизованными“ собственно-узбекскими говорами, например, говором к-ка Уйгур Газаватского района и к-ка Кыят-Конграт Шаватского района, а с другой стороны и шораханским говором из южнохорезмской группы: qi:zьmь, qi:zьmьŋ и т. д., в каракалпакском языке отсутствуют,—qьzьmdь, qьzьŋdь, qьzьmьzdь, qьsьŋьzdь, а родительный—qьzьmnьŋ, qьzьŋnьŋ, qьzьmьzdьŋ, qьzьŋьzdьŋ (см. выше примечание [1]).

[36] Из *al-uw усуп. Послеслог усуп в каракалпакском уже подчиняется сингармонизму, т. е. имеет и „задний“ дублет (как в данном случае).

[37] Винительный п. от baqan „столб“.

[38] У моего объекта возможна и форма основы этого глагола („бросать“) -tasla -(|| узб. taşla-, ташк. təşlə).

[39] ʒar или çar || узб. хив. ça:r „объявление, публичное провозглашение глашатаем (جارچی) государственных приказов и т. п., обычно на базаре“. Хан объявил через глашатая: „Я отдам свою дочь за того, кому удастся заставить лошадь перескочить через это“...

[40] Эмфатическое удлинение, с целью подчеркнуть значение слова bəri—„все“. Обычно при этом бывает и депласация ударения (на первый слог).

[41] После шипящих и j гласный Ь модифицируется в направлении к ї—i (как в других тур. языках, кроме киргизского).

В данном же слове первое Ь, благодаря своему положению между ç | ʒ и j, является уже сугубо „сдвинутым вперед“ (=ї).

[42] Вместо toj boladь (в | w в условиях Satz-sandhi). toj || хив. do:j „пир, массовое угощение при празднестве: свадьбе, обрезании и пр.“ (очевидно, эта именная основа—toj—в родстве с глагольной, наприм. в узбекск. toj-dьr- || хив. do:j-dьr- „насыщать“).

[43] waq[-ьр-] вм. baq[-ьр-] (в узбекском литературном—ваqьр, ташк. bɔqɪp, но в „собственно узбекских" с озвончением q[чередованием q || q], т.-е. ваqьр, как и в казакском и каракалпакском; ср. ташк. cɪqip || южнохорезмск. сьqьр || собств.-узб., казакск., каракалпакск. сьqьр „выйдя"; южнохорезмск. сьqьг || собств.-узб. сьqьг „чигирь, водоналивное колесо").

[44] „Плача".

[45] x—вариант фонемы q (ибо фонемы x в каракалпакском, как и в казакском и в северо-хорезмском узбекском не существует). qьjqan | qьjxan „скандал". „Младший сын (буквально: младший ребенок) сказал: я тоже (-de) иду [пойду] на «той» [на празднество],—и затеял скандал".

[46] mal ьn-dь || хив. malьnnь || к. Уйгур и к. Конграт malьць || шораханск. ma:lьць—вин. п. „твой скот".

[47] ursup çiwerdi „приказали (Praesens historicum). „Старшие братья приказали: ты не иди на «той», а паси свой скот".

[48] В записи указано дублетное произношение zyrgende. Конечное ь в ваqьв возможно лишь благодаря отсутствию паузы между ваqьв и çyrgende. Полагаю, что во втором слоге слова çyrgende возможно и e вместо ө, т. е, çyrgende; но заслушано было (дважды) именно ө.

[49] qasьndaqь „находившийся около него или перед ним"—от qas (о.-тур. *qa·ş) „бровь", т.-е. буквально: „находящийся на бровях, перед бровями".

[50] ө в вɪrew [из вɪrew[объясняется влиянием w. То же, или сходное, явление (birөw, точнее birœw вм. بيرو) встречается и в некоторых узбекских говорах: например, в иканском и карабулакском.

[51] Начальное h—звонкое. x в составе слова haxьm—вариант фонемы q; следовательно, вполне возможно (и так сказать, нормально) произношение haqьm („мой долг"). В предыдущем слове al maq конечное q—сандхический вариант q (в изоляции al-maq). Возможно и almaq haqьm. „У меня есть получка долга (я должен получить долг) у одного человека, я схожу получу его".

[52] Вм. barlьq в условиях Satz-sandhi (сравн. прим. 51: almaq haxьm).

[53] azьqьn—вин. пад. с притяжанием 3 л.: „свою пищу, свои продукты". „Дав свой провиант, находившийся у него в руках"...

[54] В средне-хорезмской—„не-казакизованной" подгруппе хорезмского собственно-узбекского—qujruqьnnan с двумя рядом стоящими n. В северо-хорезмской „казакизованной" же подгруппе—одно n (qujruqьnan) как в каракалпакском Это отличие в формации исходного падежа тоже является одним из отличительных признаков этих двух категорий хорезмских узб. говоров („не казакизованная" средне-хорезмская группа следует в данном отношении за южно хорезмской группой: хивинским и пр., где тоже nn в подобных формах)

[55] „Зажег". Было произнесено именно yjtyp ʾedi хотя меня и удивляет „раздельная фонация" этой формы (—м. б. результат замедленного темпа при диктовке текста).

[56] Вм. tajьn boldь „был готов" (синоним tajjar boldь).

[57] gelip вместо kelip („придя") в условиях Satz-sandhi. Сравн. выше ne-qь ládь из ne qьládь прим. 16, а также прим. 10.

[58] „Сев (верхом) на этого голубого тулпара, младший сын (здесь bala), приехал на «той» и перескочил (т. е. заставил лошадь перескочить) через дерево, положенное в качестве (верхней) перекладины".

Форму qarqьtьw ʾedi сравн. с yjtyp ʾedi прим. [55] (конструкция та же самая и этимологически соответствует узбекскому plusquamperfect'у: ташк. кентск. bɔrúwdi kelúwdi и т. п.).

[59] „Споткнувшись".

[60] В произношениях şьxtь, basxa, keşxurun (как и выше qьjxan—прим. 45) и т. п. звук x является вариантом фонемы q, и может быть заменен через q.

Чаще всего осуществляется проточный вариант (т. е. x), конечно, в таких позициях, как в ṣᵇxtь („вышел“), т. е. на конце закрытого слога внутри слов.

[61] Характерная для каракалпакского и казакского языков и близкая к собственно-узбекской (а с другой стороны и южно-хорезмской огузской узбекской) конструкция progressiv'a, т.е „длительного настоящего“ на—ᵏját-ьr (от jat—„лежать“): сравн. казакск. zев zátьr „ест“, хив. g'ɛljátьr „приходит“, хорезмск. собств.-узб. (обе подгруппы) kijátьr „приходит“. Различие лишь в том, что основной глагол, в первом случае (в казакском и каракалпакском), взят в форме деепричастия прошедшего, а во втором (в собств. узб. и в южно-хорезмск. узб)—в форме деепричастия настоящего.

[62] Глагол. ajda- (—„задний, а не „передний“, как в татарском: əjdəmək) в каракалпакском не имеет начального h (то же во всех узб. говорах Хорезма), сравн. ташк. и в прочих говорах „чагатайского“ узбекского, тот же глагол с начальным h. Сравн. то же соответствие [нач. h || нуль] в слове hθkyz || ᵘθgyz „бык“, где ташкентское и вообще узбекско-чагатайское *h*, вероятно, из общеалтайского 'p, на что указывает и древне монгольская форма слова (этому вопросу мною посвящена отдельная статья).

[63] Здесь ·da не суффикс местного падежа (тогда в каракалпакском было бы aqalarьnda, не ᵈaqalarьda), но эквивалент русск. „и“, „т о ж е“.

[64] В записи помечено, что звуксочетание kı (в kim-nıŋ „чей“) оценивается русским слухом как среднее между *кы* и *кэ*. См. выше (в описании) о „твердости“ ś Ś и о модификаци 'i 'y 'ь *u [но из этих четырех этимологически—узких гласных рефлекс ˜i достигает, мне кажется, меньшей открытости, чем рефлекс ь; последний иногда доходит, по моим впечатлениям, до качества ʌ (гласный типа mid-back-unround), и именно потому, может быть, что для него нет предела в наличии другой фонемы, которая была бы исконной mid-back-unround, тогда как для прочих трех гласных—*i *y ᵈu, таким препятствием служит наличие фонем *e θ o*].

[65] В записи отмечено дублетное произношение с начальным z. Конечное в—благодаря начальному *в* в следующем слове.

[66] Gₒ, т. е. смычный глубоко-заднеязычный г, — комбинаторный вариант фонемы q (ср. тоже в узбекском).

[67] aw—эмфатический суффикс, соответствующий русскому „ж е“ (иногда „в о т т а к“ и т. п), встречается и во всех трех категориях узб. говоров Хорезма.

[68] В моей записи для слов bar-áj-ьn (Optativ. от bar-maq) и pada-ṣь („пастух“, букв. „стадник“) отмечена сильная степень открытости гласных ь—до степени ʌ [т. е. до гласного звука типа mid-back-unround].

Что же касается сдвига этих гласных ь (в вышеназванных словах) по горизонтальному направлению—под влиянием j и ṣ, то он не был в данном случае особенно существенным: в записи (для ь данных слов) нет отметки „mixed“ (что я обозначил бы двумя точками ¨), или „уклон в mixed“ (—одна точка ˙).

[69] К слову в'z-diŋ (род. падеж от „мы“, экв. узб. литературного بزنك) в записи сделано две пометки: 1) оба i производят впечатление гласного, среднего между типами *i* и *e*,—какой слышится в русских м е л á и м и л á; притом близкого к „mixed“; 2) первый i (ⁱ)—ультра краток.

[70] Вин. падеж.: „свой, (его) хлеб“. В северно хорезмской „казакизованной“ подгруппе хорезмско-собственно узбекских говоров nanьn (как и в каракалпакском) || в „не-казакизованной“ средне хорезмской“ nanьnь || в южно-хорезмской группе na:nьnь || иканск. и карабулакск. na:nьnь || самаркандск. nɔnini || ташкентск. nɔnını и т. д.

[71] həzir boldь „явился“. ə←a в слове həzir благодаря Umlaut'у. Подобные изменения заимствованных слов (а также сложных слов—напр. казакск. əрer←*alьв ber) характерны именно для „с т р о г о-сингармонистических“ языков,—протестующих, так сказать, против вторжения „ломаных слов“, и терпящих лишь весьма ограниченное их количество; таковы—казакский,

каракалпакский, и северно хорезмская собственно-узбекская подгруппа. Арабское ح отражается в каракалпакском ввиде h, как и в громадном большинстве узб. говоров (кроме ташкентского): каракалп. həzir || самаркандск. узб. и таджикск. hɔzir || ташкентск. xɔzir. Глагол „быть" имеет только форму bol,—не *ol [тогда как в узбекском иканско-карабулакском обе формы: напр. иканск. bolmaq—mən bolama(n) и с другой стороны omaq [из ol-maq]—mən olama(n)].

[72] atlь (вин. п., здесь: „на лошадь") было воспринято с ударением на первом слоге. В этом факте, кроме вполне возможной депласации на общих условиях, нужно учитывать еще разницу в степенях звучности между a и ь.

[73] çurt (узб. يورت) здесь значит „народ".

[74] at-lar-ьn || казакск. attarьn || узб. ташк. ɔtlərini. Ср. nanьn—примеч. 70.

[75] „Не споткнувшись" (наст. вр. çuqádь, прошедшее çuqtь).

[76] „Вскочил (qarqьp şьxtь) на край (arzaq-ьn-a от arzaq) колодца (şu xur-dьn)".

[77] ʷotaw (в казакском тоже: ۆتاۋ) „юрта". aq ʷotaw или aq ʷotaw „новая чистая (буквально „белая") юрта". „Люди посадили младшего брата (bala-nь) на кошму, отнесли в новую юрту и дали [в жены] этому молодцу (bala-qa) дочь того („давешнего"—bajaqь) царя". Замечу, что в хивинском узбекском чередование q с q в слове a:q „белый", повидимому, невозможно (a:q в хивинском значит „сеть" || собст.-узб. aw).

[78] В отличие от узбекского, где p-в→pp (напр. узб. appar), в каракалпакском, подобно казакскому, мы находим здесь только одно, т. е. краткое p (apar из الیب بار, əper из الیب بیر).

В записи отмечено, что конечное ь в qьzdь воспринимается как звук типа ʌ (mid-back-unround), См. конец примеч. 64—об отсутствии дифференциации двух фонем—в роде «*ь* – ʌ», тогда как для *ι y u* предел их возможному расширению положен наличием различений *i – e*, *y – ө*, *u – o*. Эта же причина, повидимому, благоприятствует и сравнительно широкой аберрации хивинской фонемы ь (в виде напряженного и не-напряженного ь).

Вторая сказка. bɪr wareken bɪr çoqeken bɪr quzambas [1] bar, bɪr qьltamaq bɪr qaqanaqwas [2] bareken. yşөw [3] zoldas bolup çol çyredi.kytə [4] uzaq zol zyrédi. aş bolqan-soŋ ycөwi şeriklesip bɪr qoj satьw-alьp sojádь. qojdьŋ ɪşek qarnьn [5] quzambasqa suwdьŋ bojьna warьp çuwup kel dep ajtadь::. quzambas zaxsь dep suwdьŋ bojьna warьp ɪşek qarnьn çuwuw-otьrsa çambasьna šona qonьp şaqqan waqьnda [6] quzambas zambasьna salьp-qálьp zambasь sьnьp ᵘөledi::. qьltamaq qaqanaqbaşqa sen suwdьŋ bojьna warьp bojьna varьp (—случайный повтор словосочетания) quzambastь kөr ne-qьlawátьr [7] [или ne islewátьr], işek qarьndь zuwub boldь-ma ja bolqan-çoq-ba. nege keşɪgip kélmedɪ. qaqanaq$\frac{\text{ʙ}}{\text{p}}$as çaxsь barajьn dep quçambastьŋ qasьna barsa quçambastьŋ ᵘөlewátqanьn kөredɪ. qaqanaqbas quçambastьŋ ᵘөlgenin kөrip işek qarьndь ᵘezɪ çuwuwatqanda basьna şьwьn qonьp basьn şaqqan waqьnda basьna sálьp-qaládь. sөjtɪb basь çarьlьb ᵘөledi. qьltamaq qarap kytə kөp ʷoturadь ʲekewɪ kelmegen-soŋ bᵘlar bɪrlesip ɪşek qarьnlardь zep qojdьma dep kélip xarasa [قاراسا] ʲekewinɪŋ ᵘөlwatqanп [вм. ᵘөlwatqanьn] kөrip qьltamaq ÷h [8] dep işɪn tartqanda ᵘөŋeşi yzilip ketip ʷoldа [10] ᵘөlédɪ sojьlqan qojdьŋ işek-qarnь-menen ʲetɪn qarqa-quzqun [11] çep-ketédɪ.

Примечания ко второй сказке.

[1] При повторении xuzambas. quzambas, qьltamaq и qaqanaqвas—собственные имена.

[2] w вм. в.

[3] Встретилось также произношение ycөw (с аффрикатой c)—см. ниже в тексте.

По словам тов. Ибадуллаева (урожéнца конгратского района) числительные на -ew | -əw | -aw употребительны лишь для «1 — 7» : в ⁱrew или в ⁱrəw, ʲekew, yşəw tərtəw, beşəw, altaw, çetew.

Что же касается узб. форм на -tə تە (с персидским по происхождению суффиксом: تە ← перс. تا), а именно узб. bittə, ikitə || ekilə, yştə и т. д., то они в каракалпакском, конечно, отсутствуют.

[4] „Очень".

[5] Вин. пад. „его внутренности (işek) и желудок (qarn-").

[6] waq-ьn-da (местн. пад. с притяж. 3 л.) от waq „время" (из араб. وقت). „Когда на бок (çambas-ьn-a, ср. узб. یانباش) сел (деепричастие qon-ьр) клоп (sona) и укусил (şaqqan—узб. چاققان).

[7] Вм. ne qьlawátьr" „что он (в данное время) делает?" [следует обратить внимание на конструкцию глаг. фромы]. Сравн. подобное же озвончение q → ɢ в qarɢa-ɢuzɢun в конце текста.

[8] Эмфатическое удлинение гласного (kөp) подчеркивает значение „много". [9] Знаками ⸫h я передаю здесь восклицание, произносимое **вдыханием** (а не выдыханием) воздуха. Так как трение происходит в гортани, то получается впечатление очень своеобразного h [сравн. японское „слово—жест" ⸫s, тоже произносимое вдыханием; но при японском звуке язык занимает положение, как при s, а потому трение происходит уже не в гортани, а в переднеязычном сужении].

[10] „И он". Вместо ʷolda можно сказать ʷoləm (сравн. казакск. ول أم || узб. ول هم), при чем l будет „твердое", несмотря на его принадлежность к слогу ləm: деление данного „ломаного" комплекса на „задний" и „передний" периоды проходит после звука l (и совпадает с морфологическим делением ʷol-əm).

[11] „Вороны и грачи (?)".—ɢuzɢun вм. quzɢun с обычным в данных сандхических условиях озвончением q | -ɢ (сравн. наблюдаемое в тех же условиях k | -g). Сравн. qaraɢalpaq (в беглой речи) вм. qaraqalpaq „каракалпак", ne-ɢьlawátьr (прим. 7) и тому подобные примеры в предыдущем тексте—в первой сказке.

В заключение приведу простую выписку из моих полевых записей (из лабораторного журнала") относительно качества отдельных звуков каракалпакского языка.

Наблюдалось произношение молодого каракалпака тов. Кенджибая Ибадуллаева, уроженца Сургульской (sorɣəl) волости Конгратского района, из рода Конграт-Кыят.

Гласные. i (в изоляции)—воспринимается как е (э), но типа mixed. При произношении поверхность языка не видна. Между передними зубами очень небольшая щелка.

е. В начале слова = ʲe (т. е. je, см. выше). Но внутри слов, напр. в kel совсем не дифтонг. Языка почти не видно. Это звук типа е **средней закрытости**, передний (front). По величине щели между передними зубами значительно ближе к гласному i, чем к ə.

ə. Между зубами большое расстояние — приблизительно в 6 — 8 раз больше чем при i (т. е. на много большее, чем при е). Язык ясно сильно выгнут кверху, кончик языка прижат к нижним передним зубам. Относится к типу английского *a* в слове man, но не французского *a* слова patte [1])

ь. Щель между передними зубами, а также положение губ, таковы же как при i (т. е. щель между зубами как при i). В изолированном произношении дает акустическое впечатление гласного ʌ, т. е. язык не высоко поднят—не до степени *high*, но *mid*.

о. В начале слов = ʷo (т. е wo, см. выше). Но внутри слов, напр. в toj без малейших следов данной дифтонгизации. Звук более закрытый, чем русское „о". т. е.—**среднее** о.

---

[1] С этим последним звуком (франц. *a* в patte) сходно, наоборот, самаркандское $ə = a_3$ (как и ə в прочих „максимально-иранизованных" узб. говорах—самарк.-бухарск. подгруппы).

a. Нормальный для тур. языков тип заднего a В отличие от ə, кончик языка уже оторван от (внутреннего края) нижних передних зубов и ушел назад. Рот широко раскрыт, видно поднятие задней части языка.

y. Язык (кончик языка) прижат к нижним передним зубам. Губы вполне в том же положении, что при u. Воспринимается не как звук типа y (— y по международной фонет. транскрипции), т. е. не как high-front-round, а как закрытое ө с уклоном в категорию mixed.

ө. В начале слова—ᵘө (т. е. yө, см. выше). Но внутри слов, напр. в køk, нет никакой дифтонгизации. Сравнительно очень открытое—т. е. приближается к типу œ (в Межд. фон. тр-ции). Конечный элемент дифтонга ᵘө (ᵘө в начале слов) тоже сравнительно очень открыт,—почти œ.

u. Воспринимается (как в изоляции, так и в составе слов, в том числе в анлауте) как звук типа o, и именно „закрытого o", но со странным т. е. необычным, привходящим, оттенком, который имеется и в казакском u (— очевидно, результат смещения языкового уклада в горизонтальном направлении). В отличие от y, кончик языка уже не прижат к передним зубам, а отведен назад (в связи с поднятием задней части языка).

Согласные. p. На конце слов факультативно бывает имплозивным, напр. в alьp („взяв").

Звук f в массовом произношении отсутствует. Правда интеллигенты (живущие в связи с своей службой в Турткуле) произносят, например, өlfeŋ ~ ʰөlfeŋ (в качестве грамматического термина) со звуком f, но рядовой каракалпак и это слово повторит как ᵘөlpeŋ. Равным образом нормой является произношение kənpirensьja вм. kənfirensьja и т. п. В глаголе tu-pьr- „плевать" (где в узбекском f, и притом f губногубное = φ) опять-таки p, не f. Правда, в восклицании uh согласный h, благодаря лабиализации, может производить впечатление губно-губного f = φ (или по крайней мере несколько напоминать губногубное f = φ), но все же это лишь вариант (комбинаторно-факультативный вариант) фонемы h.

в. Возможно бывает после глухого—напр. mьltьq atвa „не стреляй из ружья".

w. Всегда губногубное (= w Межд. фон. транскрипции).

t. Как и p, на конце слов факультативно бывает имплозивным, напр. в at („лошадь"). Передний сингармонистический вариант t(t₂), напр. в ijt „собака", обладает лишь известной степенью полу-мягкости, но отнюдь не близок к русскому t' = *ть*. То же можно сказать о „передних" вариантах других согласных—напр. s в sen и т. д.

l. Варианты l (l_2 = l и l_1 = *ль*)—как в узбекских сингармонистических говорах.

r. Переднеязычное дрожащее длительное.

Щипящие ş, ç | ʑ являются „мягкими" дорсальными. В чередовании вариантов ç | ʑ оба варианта могут считаться равноправными (для начала слов), наоборот фонема ş лишь крайне редко осуществляется ввиде c.

Например c вм. ş можно услышать (при беглом произношении) в положении после n, в частности в порядковых числительных: bᶦrinci ʲekinci yşyncі tөrtincі besіncі altьncь çetіncі səgizіncі toqьzьncь ʷonьncь çijirmancь и т. д.—наряду с bᶦrinşі и т. д. При раздельном (замедленном) произношении здесь уже обязательно ş, не c.

k. Как русское *къ* (или м. б. только на немного более переднее, чем рус. *къ*); ki gi воспринимаются как *кы гы.*

h в инлауте (напр. в bəhər „весна") озвончается. Повидимому в Satz-sandhi вполне возможно и озвончение начального h.

Фонема h, вообще, встречается редко, гл. образом в заимствованиях и междометиях (напр. halala, ah, uh).

Прочие замечания „лабораторного журнала" опускаю, чтобы не повторять сказанного мною выше.

Примечание. В настоящей статье говорилось лишь о каракалпакском языке—языке аму дарьинских каракалпаков (основного населения каракалпакской СС Республики). Совершенно иной является языковая система ферганских „каракалпаков“ [qɔralpaq в их собственном произношении], живущих, напр., в Балыкчинском районе и в Алтык-кöль'е [ɔltьn-kөl] около Андижана Несмотря на то, что она также относится, с генетической точки зрения, к „северо западной“ группе тур. языков, она отнюдь не является особым турецким языком (как вышеописанный каракалпакский язык), а входит в состав узбекского языка, оказываясь одним из диалектов т. н. „кыпчакского“, или „собственно-узбекского“ по моей терминологии, наречия узб. языка. При этом ближайшую параллель к себе этот—фергано каракалпакский—диалект узб. языка находит в казак-найманском диалекте (один из говоров которого описан мною в Изв. Ак. Наук, вып. 3 серии „Образцов сингармонистических диалектов...“), и благодаря наличию в обоих этих диалектах т. н. „оканья“ (—перехода *а→ɔ в первых слогах подавляющего большинства слов) может быть отнесен—вместе с казак-найманским диалектом—к „окающей“ подгруппе „собственно-узбекского“ („кыпчакского“) наречия узб. языка.

Диалект этот (обследованный мною в 1932 году) описывается в Трудах Ферганской Экспедиции.